

Ласло Хоруци

УЧЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЭТИКИ О БРАКЕ И СЕМЬЕ*

ВВЕДЕНИЕ

Роль семьи и брака в жизни личности и общества общеизвестна. Биологическое воспитание личности, формирование черт её характера, процесс социализации в значительной степени происходит в рамках семьи, а для общества семья также необходима, ибо она выполняет ряд таких важных для общества функций, как например, моральное воспитание, гарантирование психологического равновесия, и т. д. Семья играет важную роль также в формировании общественной дисциплины.

В общем религии, особенно католицизм, осознали важную роль семьи, и в историческом отношении они всегда претендовали на право урегулирования семейно-брачных отношений. Образовалась широкая, многосторонняя система католических этических доктрин, которые в развитии европейской семейно-брачных отношений в течении многих столетий играли определяющую роль. Религия, кроме всего прочего, осознавала, что через семью она не только может влиять на личную жизнь людей, но и управлять их общественной деятельностью.

В данной работе мы хотели бы осветить процесс формирования, развития учений католической семейной этики и их сущность. Данная работа является первым вариантом одной из глав готовящейся большой монографии. В первой главе рассматривается исторический процесс формирования католических взглядов, во второй — нормы классической католической семейной этики, а в третьей главе освещаются основные характерные признаки современного, полного противоречий развития католической семейной этики. Само собой разумеется, что этой работой данная тема не исчерпывается, да мы и не претендуем на полноту и завершенность в освещении этой темы.

* Magyarról fordította Dr. Györke Zoltán.

ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЭТИКИ НА СЕМЬЮ И БРАК

Процесс формирования католической этики в отношении семьи делится на несколько этапов. Этическое восприятие первого этапа, времени древнехристианства, более или менее тождественно общему этическому восприятию рабовладельческого строя. Этот этап длился до I—III вв. нашей эры, то есть до начала широкого распространения христианства и его становления в определённом смысле как мировой религии. Второй этап развития длился примерно до Тридентского синода XI века. Во время второго этапа развития, в эпоху перехода к феодализму, связывающие взгляды, в особенности практика, имеют переходный характер, в то время как для третьего этапа характерно приспособление к феодализму. Четвёртый этап развития начинается с Тридентского синода и длится до смерти папы Пия XII до середины нашего столетия. В эту эпоху выкристаллизовываются и становятся догмами взгляды католицизма, ибо Тридентский синод канонизирует церковные требования в отношении брака и семьи, которые, в свою очередь, папа Пий XI в своей энциклике „«Христианский брак», изданной в 1931 году, снова утверждает и «применяет» к XX веку. И, наконец, пятым этапом развития можно считать наши дни, когда, наблюдается осознание, хотя и очень медленное, необходимости изменения жёстких взглядов и можно ожидать осовременивания церковных взглядов и в этом важном комплексе проблем. В дальнейшем мы более подробно рассмотрим формирование католических взглядов.

Связанные в идеологическом отношении с христианством еврейские секты, существовавшие до н. э. и проповедовавшие тождественную христианской религии веру (о чем свидетельствуют и найденные у Мертвого моря папирусные свитки), уже располагали определёнными взглядами на вопросы семьи и брака. Эти взгляды основываются на их жизненных и социальных условиях. Этим социальным условиям соответствовали прежде всего рабовладельческий строй, а также исторический и религиозный завет еврейства, *римские завоевания* и многие другие факторы. Еврейские секты важное влияние оказали на формирование поздних христианских этических взглядов прежде всего в идеологическом отношении, ибо в общественном отношении на формирование и развитие этих взглядов повлиял феодализм. Доктрины древнехристианских сект в общем совпадают с теми, фиксированными в Ветхом Завете, еврейскими концепциями, которые возникли на базе рабовладельческого строя. В дальнейшем мы постараемся более подробно выявить суть этих доктрин, как важных идеологических прецедентов.

Вследствие рабовладельческого строя у еврейства установилась моногамия и сформировались соответствующие ей моральные нормы. Внутри всеобщих, не только моногамных, концепций, остро даёт о себе знать тенденция, предъяв-

ляющая к мужчинам и женщинам неодинаковые требования — к женщинам предъявляются повышенные требования. В Библии в нескольких местах встречаемся с формулировкой такого рода концепций. Моисей уже говорит о том, что девственность у девушек — это необходимость, более того, девушке, потерявшей свою девственность, надо расплатиться за свои деяния.

«Если же сказанное будет истинно, и не найдётся девства у отроковицы, то отроковицу пусть приведут к дверям дома отца её, и жители города побьют её камнями до смерти, ибо она сделала срамное дело среди Израиля, блудодействовав в доме отца своего, и так истреби зло из среды себя¹.»

Далее у Моисея мы находим ещё одно, не менее суровое наказание, которое должен применить муж в том случае, если у него возникнут подозрения насчёт верности жены и он захочет убедиться в том. Муж, должен отвести свою жену к священнику, преподнося последнему подарки.

«А священник пусть приведёт и поставит её пред лице Господне, и возьмёт священник святой воды в глиняный сосуд, и возьмёт священник земли с полку скинии и положит в воду; и поставит священник жену пред лице Господные, и обнажит голову жены, и даст ей в руки приношение воспоминания, — это приношение ревнования, в руке же у священника будет горькая вода, наводящая проклятие. И заклянет её священник, и скажет жене: если никто не переспал с тобою, и ты не осквернилась и не изменила мужу своему, то невредима будешь от сей горькой воды, наводящей проклятие. Но если ты изменила мужу твоему и осквернилась, и если кто переспал с тобою кроме твоего: тогда священник пусть заключает жену клятвою проклятия и скажет священник жене: да предаст тебя Господь проклятию в народе твоём, и да соделает Господь лоно твоё опавшим и живот твой опухшим, и да пройдёт вода сия, наводящая проклятие, во внутренность твою, чтобы опух живот (твой) и опало лоно (твоё). И скажет жена: аминь, аминь. И напишет священник заклинания сии на свитке, и смочит их в горькую воду; и даст жене выпить горькую воду, наводящую проклятие, и войдёт в неё вода, наводящая, ко вреду её. И возьмёт священник из рук жены хлебное приношение ревнования, и вознесёт сие приношение пред Господом, и отнесёт его к жертвеннику. И возьмёт священник горстью из хлебного приношения часть в память, и сожжёт на жертвеннике, и потом даст жене выпить воды. И когда напоит её водою, тогда если она нечиста и сделала преступление против мужа своего, горькая вода, наводящая проклятие, войдёт в неё, ко вреду её, и опухнет чрево её и опадёт лоно её, и будет эта жена проклятою в народе своём. Если же жена не осквернилась и была чиста, то останется невредимою и будет оплодотворяема семенем.»²

Эта взятая из Библии цитата недвусмысленно говорит о том, что соблюдение моногамии дискриминационным образом являлось требованием прежде всего для женщины и что к женщинам предъявлялись иные нормы требования, чем к мужчинам. В Библии нигде нет ссылок на то, каким образом может обойтись со своим мужем обманутая жена. Но в интересах усиления моногамии запрет распространялся и на мужчин, но только в том случае, если мужчины вступали в связь с замужней женщиной. У Моисея мы находим и следующие:

«Если кто будет прелюбодействовать с женой замужнею; если кто будет прелюбодействовать с женою ближнего своего: да будут преданы смерти и прелюбодей и прелюбодейка.»

¹ 5. книга Моисеева, гл. 22. стих 20—21.

² 4. книга Моисеева, 5. гл. стих 16—28.

Таким образом, защита моногамии, которая определяла, что можно и что нельзя, всегда только с точки зрения мужчины, могла быть направлена и против мужчины в том случае, если распутство мужчины угрожало чистоте моногамного брака другого мужчины. Это подтверждают, кроме приведенной выше цитаты, также следующие строки из Моисея, призванные защитить целомудрие девушек:

«Если будет молодая девица обручена мужу, и кто-нибудь встретится с нею в городе и ляжет с нею, то обоих их приведите к воротам того города, и побейте их камнями до смерти: отроковицу за то, что она не кричала в городе, а мужчину за то, что он опорочил жену ближнего своего; и так истреби зло из среды себя.»³

В этом случае речь идёт ещё только о помолвленных, а не о замужних женщинах, но закон верности уже относится и к ним. Интересно, что иначе оценивается тот случай, когда девушка бессильна воспрепятствовать потере своего целомудрия:

«Если же кто в поле встретится с отроковицею обручённою и, схватив её, ляжет с нею, то должно предать смерти только мужчину, лежавшего с нею; отроковице ничего не делай, на отроковице нет преступления смертного; ибо это то же, как если бы кто восстал на ближнего своего и убил его. Ибо он встретился с нею в поле, и хотя отроковица обручённая кричала, но некому было спасти её. Если кто-нибудь встретится с девицею необрученною, и схватит её и ляжет с нею, и застанут их: то лежавший с нею должен дать отцу отроковицы пятьдесят (сиклей) серебра, а она пусть будет его женою, потому что он опорочил её, во всю жизнь свою он не может развестись с нею.»⁴

Приведенные выше цитаты из Библии свидетельствуют о том, что принятые законы преследовали единственную цель — передачу имущества лишь наследникам отца по крови.

Этой цели должна была служить смертная казнь, каравшая жену за измену и девушку за потерю целомудрия. Девушки должны были выходить замуж невинными, потому что в таком случае исключалась возможность передачи состояния наследникам другого отца, далее, мужчину имевшего половое сношение с помолвленной девушкой, да и девушку (если она не протестовала против этого), должны были побить камнями потому, что в случае выхода девушки замуж состояние мужа могли унаследовать дети, отцом которых являлся не муж, а кто-то другой.

Именно поэтому поступают иначе в случае изнасилования непомолвленной невинной девушки. При этом мужчина должен заплатить пятьдесят сиклов отцу девушки, далее, обязан жениться на опороченной девушке и не имеет права развестись с ней.

Упомянутые выше суровые законы, как мы видим, служили не для защиты целомудрия в целом, а лишь для того, чтобы *состояние всегда унаследовалось наследниками отца по крови*.

В связи с этим возникают вопросы: почему при рабовладельческом строе унаследованию состояния лишь наследниками отца по крови придавалось такое важное значение? Что являлось причиной принятия таких исключительно строгих мер?

³ 5. книга Моисеева гл. 22., 23—24.

⁴ 5. книга Моисеева гл. 22., 25—29.

Для того, чтобы ответить на эти вопросы необходимо иметь в виду несколько факторов. Этому способствовали в конечном счёте и экономические интересы и психология, возникшая на базе формирования частной собственности.

Вместе с появлением частной собственности появляется и первая форма эгоизма, при которой большое значение придаётся «своему». Частное лицо имеет свой дом, землю, жену, слуг и стремится к тому, чтобы и дети, наследники были своими. Таким образом, тот факт, что «я» и «мой» становится центральным отражается и в области семейно—сексуальных связей, в суровых законах отражается стремление защитить это своё, частное.

Второй причиной, помимо психологии собственника, по нашему мнению, была защита ребёнка, общественная защита наследников. В это время общество уже вправе ожидать от родителей, чтобы они заботились о наследниках, воспитывали их надлежащим образом, тогда как в первобытнообщинном строе под руководством женщин в воспитании детей участвовала вся община. Но так как воспитывать детей обязали отцов—собственников последние стремились такого рода обязанности выполнять лишь в отношении своих наследников, своих детей по крови, которые в свою очередь на старости лет так же заботились бы о них, отцах.

О том, что защита ребёнка играла важную роль в формировании вышеупомянутых принципов, свидетельствует и следующий абзац, взятый из библии и касающийся Моисеевых законов:

«Если у кого будут две жены, одна любимая, а другая нелюбимая. и как любимая, так и нелюбимая родят ему сыновей, и первенцем будет сын нелюбимой, то при разделе сыновьям своим имения своего, он не может сыну жены любимой дать первенство пред первородным сыном нелюбимой...»⁵

Эта цитата из библии свидетельствует о высокой жизненной мудрости, утверждает общественную защиту интересов детей, основанную на жизненном опыте.

Ребёнку нелюбимой жены необходимо было дать первенство, очевидно, потому, что и так было ясно, что для ребёнка любимой жены отец—собственник всё равно создаст соответствующие жизненные условия; ведь для него был милее и ребёнок от любимой жены, и любимая жена могла легче добиться этого, чем нелюбимая жена.

Ещё одна не менее важная причина, способствовавшая созданию суровых законов о наследниках отца по крови — это забота о престарелых родителях. В первобытнообщинном строе престарелых либо убивали, либо о них заботилась община (или большая семья). Так как с появлением частной собственности забота о детях стала обязанностью собственников, было самим собой разумеющимся, что о престарелых тоже должны были заботиться собственники. И так как собственность у каждого была частной собственностью, они стремились к тому, чтобы обеспечить своих предков или наследников. Забота отца о своих наследниках вызвала необходимость того, чтобы наследники в свою очередь тоже заботились о своих предках, о своих престарелых родителях. Всё это становится более ясным, если принять во внимание то обстоятельство, какую огромную роль играло кровное родство, во время предшествующего бесклассового строя. Кровное родство означало исключительные права и обязанности. Среди обязанностей не раз фигурировало и пожертвование жизнью. Психоло-

⁵ 5. книга Моисеева, гл. 21. 15—16.

гия, возникшая в первобытнообщинном строе в отношении кровного родства, в классовом обществе ограничивалась семьей и здесь до некоторой степени проявилась более отчётливо по сравнению с предыдущим временем. Собственный способ мышления, который во всех областях решающим считал «свое» «собственное», тоже имел большое значение, и забота о своих «кровных» стала для всех самой значительной обязанностью. И суровые, законы, касающиеся целомудрия и верности женщин, были приняты с целью защиты всего этого.

Ко всему вышесказанному в отношении идеологического наследия еврейства и его взывов на семью и брак добавим ещё и описание принципов семейного права рабовладельческого строя. Всё это необходимо для того, чтобы стали более ясными взгляды и характер, а также роль главных факторов, повлиявших на раннее христианство.

Рабовладельческий строй, как уже отмечалось нами, установил моногамию в семье и браке, которая только от женщин решительно требовала соблюдения супружеской верности. Для некоторых мужчин было возможным иметь сразу несколько жён, однако для жён соблюдение супружеской верности была обязательным и в этом случае. Для лучшего понимания семейных и брачных принципов рабовладельческого строя на древнем востоке и на территории римской империи обратимся за помощью к истории права. Сборник законов Хаммураби, который является одним из самых значительных законодателей рабовладельческого строя, уже подробно излагает регулирование семейных и брачных связей. По этому поводу в работе Мартона Шарлоша «Государство и всеобщая история права» мы находим следующее:

«Заключение брака происходило путём заключения письменного договора (параграф 128), в котором женщина являлась договаривающейся стороной. Однако подчинённость жены перед мужем — очевидна. Основной формой брака являлось одножёнство, но закон в некоторых случаях позволяет иметь и вторую жену. Муж располагал особыми правами в отношении своей жены и детей. Так, муж имел право продать жену в долговое рабство. За долги, накопившиеся за время совместной жизни, они оба были ответственны. Существовала и такая возможность, когда жену отдавали в рабство за долги, накопившиеся до заключения брака. От такого случая женщина могла застраховывать себя отдельным договором. (параграф 151.)»⁶

Законы вавилонского рабовладельческого общества отрывки из которых мы цитировали выше, Хаммураби создал в 15—16. вв. до н. э. Подобные требования и правила в области семейного и брачного права мы находим и у древних греков. Следующая цитата, также взятая из вышеуказанной работы, даёт такую характеристику греческого семейного права (и семейно — брачных связей):

«В гомеровскую эпоху брак заключался между отцом и женихом при помощи договора о купле—продаже. Эта особенность сохранилась и в современном греческом праве. Женщина в договоре играла пассивную роль, она являлась только предметом договора. Кроме договорной формы заключения брака, существовала и другая форма — брак, заключённый при участии чиновников или суда. В этом случае выдавалась замуж девушка, которая была удочерена. Приданым женщины распоряжался муж, но он обязан был сохранить состояние для детей, родившихся от того же брака.

⁶ Др. Мартон Шарлош «Государство и всеобщая история права» Будапешт, 1965., стр. 20—21.

В Афинах, как правило, существовала моногамная форма брака, но в этой моногамии соблюдение верности было обязательным только для женщины. Неверность мужа в правовом отношении не влечет за собой никаких последствий. Неверную жену муж мог прогнать без возврата, а любовника, пойманного на месте преступления, имел право убить, не рискуя за это быть наказанным. Муж мог оттолкнуть жену в любое время без каких-либо формальностей, а жена могла попросить развода только путём подачи в архон письменного заявления.¹

Как составленный Хаммураби вавилонский закон, так и греческое семейное право повлияли на формирование взглядов предшествовавших христианству еврейских религиозных сект и через них на формирование раннехристианских догм. Вавилонское влияние, с одной стороны, проявилось во время вавилонского рабства евреев, с другой стороны, Вавилония, будучи первым и самым развитым государством рабовладельческого строя, в идеологическом отношении она оказала сильное влияние на народы древнего востока. Греческие взгляды в первую очередь оказали значительное влияние во время Александра Великого, т. е., в эпоху эллинизма.

Помимо идеологического наследия еврейства и всеобщей семейно-брачной практики и этики рабовладельческого строя, на формирование христианских догм большое влияние оказали римский рабовладельческий строй и римские взгляды на семью и брак. Влияние римских взглядов явилось решающим потому, что христианство на самом деле стало религией только в Риме и масштабы римской империи способствовали его становлению как мировой религии.

Римская семья при рабовладельческом строе была тоже моногамной, её многосторонне регулировало и защищало право. Характерным для первого этапа было существование т. н. агнатной семейной системы. Этому соответствует в нагале большая семья, главой и руководителем которой являлся отец и в которую, кроме жены и детей, входили слуги. Таким образом, здесь играло роль не кровное родство, а подчинение отцу. Если дочь, выходя замуж, уходила из семьи, она не считалась больше родственницей, а становилась членом семьи мужа. В этой большой семье исключительно важную роль играл отец, он властвовал над остальными членами семьи. Эта роль отца—властелина, как это в дальнейшем будет видно, до сих пор сохраняется в христианской семейной этике.

За агнатской семьёй следовала когнатская семья, где родословная велась на основе кровного родства по отцу и по матери. Отец здесь также играет важную роль. Для римского брака в большой степени характерно то, что он был тесно связан с отношением к власти и что семейные правовые действия вытекали только из браков свободных римских граждан. Хотя ограничения в отношении брака между плебеями и патрициями вскоре после 12 апелляционных законов были отменены, но вследствие наличия разницы в рангах препятствием для заключения брака, особенно во времена римских императоров, часто становится кункубинат, т. е. фактическая связь, которая допускается в форме связи с либертиной а позже к ней прибавляются и определённые семейно—правовые действия... А ещё труднее было для раба, представителя угнетённого класса, через семейно—правовые отношения, занять в обществе господствующее положение. Брак между рабами — чисто фактическое положение дел (контуберний). Сожительство с рабом сделало свободную женщину рабыней владельца раба. Юстиниан отменяет этот закон, но и свободную женщину отделяет от раба. Брак с рабом получает официальное признание только в 3. в., в эпоху упад-

ка рабовладельческого строя.»⁷ появление христианства в Риме относится к началу нашей эры и его догмы, касающиеся брака и семьи, помимо еврейских традиций тесно связывались и с римскими условиями и традициями. Стоический аскетизм внутри христианства в целом имел большое влияние. В связи с этим становится ясным, что аскетические апостолы раннего христианства хотя и не прямо, а косвенно выступали против семьи и брака. Апостол Павел, который являлся самым значительным деятелем раннего христианства, говорит о том, что для мужчин лучше держать себя вдали от женщин, и богу угодно всего, если люди не будут вступать в браки. Однако они считают брак допустимым, ведь большинство людей «не могут удержать свои грешные тела от искушений, «и таким образом лучше брак, чем развратная жизнь без брака. С этим мнением апостола Павла мы встречаемся во многих местах. Ниже мы приведём в качестве примера несколько его типичных высказываний, поскольку его взгляды можно считать важнейшим источником христианской семейной этики.

«Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет своё дарование от бога, один так, другой иначе. Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак, нежели разжигаться.»

А несколькими строками ниже апостол Павел объявляет, что брак хотя и не является грехом, но тот, кто вступает в брак, берёт на себя неотвратимые заботы и хлопоты:

1. «Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти, а мне вас жаль. Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жён должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего. А я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господе, как угодить Господу.»⁸

Далее Павел ещё более подробно говорит о предпочтительности целомудрия и внебрачной жизни как для мужчин, так и для женщин. Его внимание распространяется даже на то обстоятельство, что согласно общественному мнению, если девушка достигает брачного возраста, она должна выйти замуж и считается постыдным, если кто не сможет выйти замуж. Он старается успокоить их и доказывает, что лучше и полезнее, если девушка не выходит замуж:

«Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы положить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развлечения. Если же кто почитает неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, тот пусть делает, как хочет, не согрешит: пусть таковые выходят замуж. Но кто непоколебимо твёрд в сердце своём и, будучи стесняем нуждою, но будучи властен в своей воле, решил в сердце своём соблюдать свою деву, тот хорошо поступает. Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо, а не выдающий поступает лучше. Жена связана законом, доколе жив муж её, если же муж её умрёт, свободна выйти, за кого хочет, только в госпде. Но она блаженное, если останется так, по-моему; а думаю, и я имею Духа Божия.»⁹

⁷ Др. Тибор Папп: Семейное право., Будапешт, 1963. стр. 32. на венг. яз.

⁸ Апостол Павел: Первое послание к коринфянам гл. 7. 28—32.

⁹ Апостол Павел. Первое послание к коринфянам, гл. 7., 35—40.

Эти взгляды, фиксируемые Библией, позже стали догмами и руководящими принципами, определяющими характер христианской семейной этики, и вместе с тем образовали одно из основных противоречий теории христианства.

В этих строках апостол фиксирует образовавшееся в классовом обществе положение, где муж является владельцем состояния и таким образом становится владельцем, господином и своей жены. Высказывания подобного содержания и характера мы в Библии находим как у апостола Павла, так и у других пророков. Но такую позицию в отношении связей между мужем и женой занимало не только христианство, но и почти все религии древнего мира и рабовладельческого строя. Религия у некоторых народов ещё больше чем христианская религия, связывала женщину, и как можно убедиться в этом ниже, апостол Павел, пользуясь красивыми сравнениями, и от мужчин требует, чтобы они заботились о своих жёнах.

«Мужья, любите своих жён, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за неё. Чтобы освятить её, очистив банею водною, посредством слова; Чтобы представить её Себе славною Церковью, не имеющего пятна, или порока, или чего—либо подобного, но дабы она была свята и непорочна. Так должны мужья любить своих жён, как свои тела, любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет её, как и Господь Церковь; Потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его.»¹⁰

Внутри рамок, ограниченных привычками, идеологией, моральными традициями рабовладельческого строя, у апостола Павла проявляется некоторая форма гуманизма, когда, помимо своих взглядов на подчинённость жены мужу, он высказывается также в пользу смягчения этой подчиненности, даже в пользу равноправия. По нашему мнению, нижеследующие части именно таковы, они более гуманны, чем общепринятое мнение той эпохи и даже соответствующая ей официальная христианская точка зрения.

«Муж, оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж, равно и муж не властен над своим, но жена.»¹¹

Подобная точка зрения, в какой—то степени даже противоречащая предыдущим, вероятнее всего является результатом того, что внутри древнехристианства существовали такие группы, для которых характерно было провозглашение идей демократизма и равенства.

Взгляды этих групп должны были отражаться в позиции, занятой апостолом Павлом, и он выражал эти взгляды применительно к связям между мужчинами и женщинами. Но Павел, помимо вопросов, касающихся внутрибрачной жизни, занимался и другими проблемами, например отношениями между родителями и детьми.

«Дети, повинуйтесь своим родителям в Господа, ибо сего требует справедливость. «Почитай отца твоего и мать» — это первая заповедь с обетованием: «Да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле.» И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем.»¹²

Рассматривая представления древнехристианства, касающиеся брака и семьи, мы заметили, что в моральной оценке многих вопросов взгляды древнехристианства существенно отличались от поздних официальных церковных

¹⁰ Апостол Павел. Послание к ефесянам., гл. 5., 25—30.

¹¹ Апостол Павел. Послание к ефесянам гл. 7., 3—4.

¹² Апостол Павел. Послание к ефесянам., гл. 6., 1—4.

взглядов. Прежде всего бросается в глаза вопрос о разводе. Общеизвестно, что, согласно официальной точке зрения по этому вопросу, развод запрещается, несмотря ни на какие обстоятельства. Павел не столь суров в рассмотрении этого вопроса, хотя и отмечает, что если уже заключен брак, пусть супруги останутся вместе, но они по его мнению, могут и развестись.

«А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, — если же разведётся, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, и мужу не оставлять жены своей.»¹³

Таким образом, здесь имеется возможность альтернативы и нет ни слова о запрещении развода при любых обстоятельствах. Павел, в отличие от представителей современной ему официальной точки зрения, гибко подходит не только к вопросу о разводе, но и к вопросу о смешанных браках. Общеизвестны жёсткая позиция и оговорки церкви в отношении смешанных браков. Павел свои взгляды в отношении брака между христианами и неверующими формулирует следующим образом:

«Прочим же я говорю, я не Господь; если какой брат имеет жену не верующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять её. И жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы. Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких случаях не связаны; к миру призвал нас Господь.»¹⁴

В начальный период развития христианства, когда оно ещё не являлось ин господствующей государственной религией, ни религией большинства, а лишь состояло из сект и отдельных групп, необходимо было гибко подойти к проблемам брака и семьи. Согласно условиям и взглядам эпохи, в основном (но не исключительно) была принята моногамия и найден более гибкий подход к вопросу о разводе и смешанных браках.

Брак в это время ещё не являлся святым, внебрачная жизнь и сексуальное воздержание считались предпочтительнее потому, что они способствовали усилению религиозного фанатизма и открывали большие возможности для распространения религии и религиозной убеждённости.

В IV веке христианство стало официальной государственной религией римской империи. Уже до этого времени многие представители имущего класса вступили в христианские секты. В результате этого, вольные римские семейные и сексуальные моральные представления в определённой степени вошли в христианство, точнее выражаясь, продолжался тот же образ жизни, который римляне вели до провозглашения христианства государственной религией. У Бебеля мы находим следующий, не очень лестный отзыв о семейной и сексуальной морали римлян:

«С ростом богатства и власти Рима место существовавшей раньше строгой морали заняли грехи и разврат. Рим стал тем центром, откуда по культурному миру распространялся разврат, гонение за сладострастиями, повышенная эротика. Разврат, особенно во времена императоров и благодаря им, приобрёл такие формы, которые могли зарождаться только в голове сумасшедших. Мужчины и женщины хотели перещеголять друг друга в разврате. Всё возрасло число публичных домов, и при этом среди мужчин всё больше и

¹³ Апостол Павел: Послание к коринфянам гл. 7., 10—11.

¹⁴ Апостол Павел: I. Послание к коринфянам гл., 7. 12—15.

больше распространялась греческая любовь (любовь между мужчинами). Были времена, когда в Риме число мужчин—проституток, превышали число женщин—проституток.»¹⁵

Эти явления сопровождалось понижением рождаемости, с чем, в свою очередь, приходилось бороться при помощи правовых мер. (Юлия Лех)

Несмотря на то, что некоторые из римских императоров, а также идеологи христианства неустанно боролись против процесса ослабления моральных норм, этот процесс не прекращался и после превращения христианства в государственную религию. Из этого последнего факта логически вытекало то, что мерилom и господствующими должны были стать взгляды апостола Павла. Тот факт, что всё вышло иначе, можно объяснить прежде всего тем, что, хотя христианство и стало официальной религией, в это время церковь ещё не располагала политической властью и поэтому не была в состоянии всемерно осуществить свою идеологию. С другой стороны, помимо взглядов апостола Павла, считавшимися всегда авторитетными, у христиан существовали и другие взгляды. Таким образом, взгляды апостола Павла не являлись исключительными, то есть христианство жило не полностью соглашаясь с этими взглядами. Взгляды Павла получили официальное признание лишь после XI века, когда церковь стала значительной политической силой. До того времени существовали совершенно другого характера теория и практика, которая наилучшим образом отражается в жизни выдающегося христианского правителя Карла Великого, у которого было шесть жён и дочери которого прославились своим распутством.

Необходимо отдать должное тем отцам и идеологам церкви, которые решительно выступили против тогдашних римских моральных устоев. Однако они, как противники этих устоев, попали в другую крайность и позже нанесли ровно столько ущерба, сколько намерены были принести пользы в исправлении распутных римских моральных обычаев. Этот вред прежде всего отражается в том, что они полностью отвергают женщину и брак, как главные источники всех грехов и бед. Бебель об этом пишет следующее: «По мнению христианства, женщина — *нечистая*, она является соблазнительницей, породившей грех и сделавшей мужчин несчастными. Поэтому апостолы и отцы церкви считали брак таким же неизбежным злом, как в настоящее время считают проституцию. Тертулиан восклицает таким образом: «Женщина, ты должна была бы ходить всегда в трауре и в лохмотьях, со слезами раскаяния в глазах и таким образом сгладить свою вину в том, что ты разорила человеческий род. Женщина! Ты выляешься вратами ада!» И далее: «Нужно избрать безбрачие, если даже и вымирает человеческий род.» Иероним говорит следующее: «Брак всегда является грехом, всё то, что можем сделать, это — простим и благословим», и поэтому было объявлено священным. Оригене говорит: «Брак является нечистым и кощунственным и служит средством для эротических наслаждений» — и, — чтобы устоять перед соблазном, кастрировал себя. Августин учит следующему: «Безбрачные будут сверкать яркими звёздами на небе, а породившие их родители будут подобны тусклым звёздам.» Эйсебий и Иероним согласны в том, что изречение библии — «будьте плодотворными и умножайтесь» — уже устарело и к христианам не относится».¹⁶

¹⁵ Бебель: Женщина и социализм изд. Кошута, 1957. стр. 50. на венг. яз.

¹⁶ Бебель: Женщина и социализм. изд. Кошута, 1957., стр. 56—57. на венг. яз.

К перечисленным Бебелем случаям можно ещё добавить и другие, ведь высказывания подобного рода можно найти у многих ведущих идеологов церкви. Однако наша задача заключается не в этом, а в том, чтобы подчеркнуть, что официальная идеология христианства с самого начала носила антибрачный характер. Начатая апостолом Павлом, продолженная упомянутыми церковными отцами, папой Георгием VII, учредителем целебата, тридентским собором XIV века, а в наше время папами Пием XI и Пием XII, неизменно культивировалась идеология, стоящая на аскетических, антибрачных позициях, считающая сексуальную жизнь грехом.

Однако практика и жизнь дают в некоторой степени другую картину. Ещё долго после IV века эта идеология даже в церковных кругах не считалась исключительно официальной. Официальной она становится только в X—XI вв., о чём свидетельствует и введение целебата. Распространение этой идеологии в моральной практике произошло позже, когда церковь, как феодальная власть, стала господствовать как в экономическом, так и в политическом отношении.

Начиная с X века, церковь — с распространением своей власти — всё делает для того, чтобы её взгляды на семью и брак стали официальными для всего общества и чтобы они вводились и в практическую жизнь. Церковь всё больше требовала, чтобы браки заключались в присутствии священника, и стремилась к тому, чтобы официальным считали только церковный брак! Уже в то время возникла идея нерасторжимости брака, но практически ещё существовала возможность расторжения брака. По мере возрастания экономической и политической власти церкви, последняя претендует на то, чтобы обществeнная функция морального воспитания, а также последнее слово в решении идеологических вопросов принадлежали ей. Эти стремления осуществлялись по мере возрастания и укрепления власти церкви на местах.

Эта эпоха—эпоха процветания феодализма — в экономическом отношении благоприятствовала внедрению в жизнь семейной и брачной морали церкви, так как развитие и результаты земледелия требовали более прочных семейно—брачных отношений, чем это было при разлагающемся рабовладельческом строе. Главным средством производства при феодализме являлась земля. Для того, чтобы земля приносила соответствующий урожай и сохраняла своё плодородие, необходимо было тщательно и непрерывно обрабатывать ее в течении длительного времени. Если владельцы менялись и делили землю, плодородие её снижалось, поскольку никто из владельцев не считал нужным вложить свой капитал в дело, которое принесёт плоды позже и, может быть, даже не ему.

Таким образом, церковное требование нерасторжимости брака, которое было узаконено тридентским собором, служило тому, что земля оставалась неделимой и, благодаря этому, сохраняла своё плодородие. За идеей нерасторжимости скрывались также экономические движущие силы другого характера. А именно, решающее значение имел тот факт, что самой значительной организационной формой экономической жизни являлась семья. Экономические единицы были более или менее тождественны семьям. Таким образом, с расторжением брака и разложением семьи разлагались и экономические организационные формы и рамки, что всегда сопровождалось снижением производительности и рентабельности. Итак, защита брака была тождественна защите организованности производственных единиц. Всё это становилось ясным как для владельцев, так и для церкви, и запрещение возможности расторжения брака должно было служить препятствием этому.

Рассматривая это явление в другом аспекте, необходимо принять во вни-

мание и тот факт, что в названный период семья функционировала главным образом как производственная единица. Переплетение семьи с производственными единицами на длительное время гарантировало существование формально прочных связей, которые однако по содержанию для личности иногда становились исключительно бременными. Форму семьи, тесно связанной с производством, принято считать идеализированным типом семьи, и даже в наши дни очень многие ссылаются на это, когда речь заходит «о бывшей прочной семейной морали.» Однако такая семья была прочной лишь с точки зрения её нерасторжимости, а внутренне для неё характерно было неравноправное отношение между её членами, бесправие и рабская доля женщин.

Этот тип семьи с развитием капитализма стал разлагаться. Однако в деревне, где мелкособственнической производственной единицей являлась семья, он сохранился в течении длительного времени, (Об этом свидетельствует и тот факт, что по количеству разводов деревня далеко отстаёт от города.)

В формировании церковной догмы в отношении нерасторжимости брака, помимо вышеназванных, играли роль и другие причины. Эти причины, главным образом, носили идеологический и общественно-психологический характер. Помимо всего, определённую роль играл и образ мышления, явившийся следствием церковного целебата. По мнению священников, если они дают обет целомудрия, на всю жизнь, тогда и браки должны заключаться на всю жизнь. Имело значение также стремление владельцев всячески сохранить в целости своё состояние; в случае развода разделу состояния предпочитали сохранение брака. Закон о нерасторжимости брака был принят на Тридентском синоде и в результате этого совещания произошёл коренный переворот в католических семейных и брачных понятиях, что положило начало новому этапу.

На Тридентском синоде XIV века по вопросу о семье и браке были приняты следующие важные решения: брак был объявлен священным и нерасторжимым. Было провозглашено, что церковь признаёт только браки, заключённые перед католическим священником. Синод указал на условия, необходимые для брака, а также на условия, запрещающие заключение брака. Форма семьи являлась моногамной и основывалась на власти отца, главы семьи. Правила, зафиксированные в каноническом праве, характеризуются прежде всего жёсткостью.

Принципы, утверждённые на тридентском соборе, легли в основу семейного права большинства европейских государств. Религиозные секты, образовавшиеся в результате процесса реформации, создали своё собственное семейное право и свою этическую концепцию. Таким образом, в большинстве европейских стран семейное право соответствовало семейно-правовой системе определённой религии, в результате чего образовалась исключительно хаотическая судебная практика и моральная концепция. Для подчёркивания вышесказанного приведём цитату из университетского учебного пособия, которое, беря за основу существовавшие в то время в Венгрии хаотические условия, говорит следующее: «...Действовавшие в то время в Венгрии семейно—правовые отношения, начиная с обручения и заканчивая заключением брака, содержали в себе противоположные законы, не удовлетворяющие ни государственным, ни общественным интересам. В то время в Венгрии параллельно друг другу существовали восемь различных типов правовых режимов: 1. для верующих католической церкви каноническое право; 2. для верующих православной церкви два отличающихся друг от друга правовых режима: а) право румынской православной церкви, в) право сербской православной церкви, 3) право евангелистов и реформаторов аготинского вероисповедания Венгрии, 4) право аготинского вероис-

поведания; 5) право реформатского вероисповедения Трансильвании, 6) право унитарийцев, 7) право евреев Венгрии и 8) брачное право трансильванийских и фиуменских евреев.»¹⁷

Все это причиняло множество осложнений и огорчений для людей, особенно для тех, кто жил в местах со смешанной верой.

Католическая брачная и семейная этика свою настоящую форму приобрела в XIV веке. Церковь была исключительно последовательной и энергичной в соблюдении законов, принятых на Тридентском синоде. В дальнейшем католическое понимание семьи и брака развивалось в духе этих законов. Принципы, провозглашенные на Тридентском синоде, остались неизменным и до наших дней, религия лишь вынуждена была занять более гибкую позицию в некоторых вопросах второстепенной важности. В дальнейшем на основании некоторых официальных документов мы хотели бы дать характеристику основных принципов католической позиции; при этом мы будем опираться прежде всего на апостольский циркуляр о христианском браке папы Пия XI и на кодекс канонического права.

¹⁷ *Тибор Палп. Семейное право., Будапешт, 1963., стр. 40. на венг. яз.*

II.

ГЛАВНЫЕ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ КАТОЛИЧЕСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ЭТИКИ

Основные характерные черты данного этического восприятия религии и их дальнейшее изложение в большой степени детерминируются вышесказанными. Охарактеризованное историческое развитие необходимым образом ведёт к главным признакам данной проблемы. Эти признаки можно найти и в историческом процессе, о некоторых из них мы уже упоминали. В дальнейшем мы хотели бы несколько подробнее остановиться на основных характерных чертах, однако отметим, что не считаем своей задачей полное раскрытие их.

Один из основных принципов католической брачной этики — признание *божественности и нерасторжимости брака*. Первой из этих доктрин была доктрина нерасторжимости брака. Признание нерасторжимости брака, как мы уже отмечали, было вызвано экономическими потребностями феодализма. Однако церковь эту доктрину строго охраняет и до сегодняшних дней, хотя с возникновением капитализма скрывавшаяся за этой доктриной экономическая необходимость исчезла. Доктрину божественности брака папа Пий XI излагает следующим образом:

«Заключение и обновление брака является не человеческим деянием, а божественным. Не люди, а бог — творец природы, — Христос' наш Господь — спаситель природы — охраняли, укрепляли и превозносили его своими законами. Поэтому эти законы не подчиняются никакому человеческому произволу, даже в том случае, если это произошло бы по согласию брачных сторон. Этому учит Святое Писание, это является постоянной и всеобщей традицией церкви, это — решение святого Тридентского собора, который со словами Святого Писания определяет и провозглашает, что брак является вечным и нерасторжимым и его единство и прочность происходит от Бога, как творца.»¹⁸

Церковь, помимо вышеуказанных причин, ортодоксально придерживалась догмы божественности брака ещё и потому, что благодаря этой догме все права в решении проблем брака и семьи она присваивала себе.

Всё это привело к достижению определённых целей. Главное стремление заключалось в том, чтобы гарантировать воспитание людей, подходящих для осуществления господства и намеченных церковью целей. Общеизвестно, что семья является одним из главнейших факторов, определяющих развитие и характер личности, так же, как и одним из наиболее эффективных средств воздействия на индивида. Если церковь определяла семейный порядок, дух семьи, она могла определить и личность, её характер. Главное, к чему стремилась церковь, — это покорность. И божественность происхождения брака,

¹⁸ Апостольский циркуляр папы Пия XI о христианском браке. Сент Иштван Таршулат, Будапешт, стр. 5—6. на венг. яз.

против которой нельзя было возражать, использовалась как средство запугивания для достижения своих целей. Таким образом, эта догма служила средством укрепления светской власти церкви. Помимо божественности происхождения брака и богоугодного его регулирования, церковь оставляла некоторые права и за людьми, а именно: право выбора того, хочет ли человек вступить в брак или нет, с кем он хочет вступить в брак.

Тот факт, что одна из целей доктрины божественности происхождения брака заключалось в том, чтобы гарантировать неоспоримость решающего права церкви, проявлялся в её манере обращения с теми, которые, может быть, сомневались в этом. Следующая цитата принадлежит также папе Пию XI, который в своём Апостольском циркуляре под заглавием «Богохульное отрицание» пишет следующее:

«Корнем любого зла является отрицание того, что брак создан всевышним Господом и Христом, нашим Господом, и возведён в ранг истинной святости, и утверждение, согласно которому брак является человеческим изобретением... Как глубоко ошибаются все эти люди, и как позорно они уходят от пути истинного, ...Обречённость их идей выражена и в тех выводах, которые были сделаны самими создателями этих идей. По мнению этих людей, законы, привычки и институты, регулирующие брак, являются результатом человеческой воли и поэтому подчинены только этой воле, следовательно, они утверждаются, видоизменяются или отменяются согласно человеческой воле и всегдашним условиям.»¹⁹

Приведенная выше цитата без всякого сомнения раскрывает основную мысль: в вопросы, касающиеся семьи и брака, никто, кроме Церкви, не имеет права вмешиваться; Кто в этом сомневается, тот богохульный, злобный, обречён на проклятие. Это решительное выступление со стороны церкви свидетельствует о том, что она исключительно большое значение придавала вопросам брака, поскольку в этом случае речь шла об одной из главных опор в сохранении церковной власти. По нашему мнению, это подтверждается и тем фактом, что брак был возведён в ранг святости. Но главной целью как доктрины святости, так и доктрины божественности брака являлось требование нерасторжимости брака. Для оправдания запрета расторжения брака церковь приводила много доводов, кроме одного, самого главного, вытекающего из феодальных условий, — экономической необходимости. В догматическом отношении обычно принято ссылаться на Матфея и Луку, которые, в отличие от апостола Павла придерживаются несколько иного мнения.

Матфей, например, утверждает следующее: «Так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает.»²⁰

А Лука формулирует это уже более конкретно, продолжая таким образом: «Всякий, разводящийся с женою своею и женящийся на другой, прелюбодействует; и всякий, женящийся на разведённый с мужем, прелюбодействует.»²¹ Ссылаясь на Павла и характеризуя первый период, мы подчеркивали, что запрет расторжения брака ещё не являлся всеобщим принципом и в качестве такового появляется позже. Мнения Луки и Матфея представляют собой исключение и на первый взгляд противоречат этому принципу. Это противоречие, однако является кажущимся: ведь мнения Матфея и Луки появились намного

¹⁹ См. там же, стр. 30—31.

²⁰ Матфей 19., 6.

²¹ Лука 16., 18.

позже, чем мнение Павла, несмотря на то, что они, как считает церковь, ровесники. С другой стороны, даже после появления на свет этих мнений, они ещё долгое время не были официальными взглядами.

К более позднему времени относятся также доводы Святого Августина, который идею нерасторжимости брака пытается вывести из божественности его происхождения: «Из божественности брака следует, что брак должен быть нерасторжимым, и разведённый муж или разведённая жена даже в интересах своих детей с другими не могли заключить брак.»²²

Внутри догм о божественности происхождения, святости и нерасторжимости брака наблюдается такое логическое противоречие, которое даёт нам право сделать вывод, что в конечном счёте и церковь вынуждена была принимать во внимание человеческие отношения и точки зрения людей. Это противоречие становится очевидным в отношении т. н. возможного расторжения брака в исключительных случаях. В исключительных случаях, даже по мнению церкви, брак может быть расторгнут. Папа Пий XI объясняет это следующим образом:

Если и бывают очень редкие исключения расторжения брака, как, например, при естественном браке между язычниками, так же как и при законном браке между христианами, где ещё не был произведён половой акт, это исключение зависит не от человеческой воли и не от чисто человеческой власти, а от божья права, охранителем и толкователем которого является церковь Христа. Но никогда и ни при каких условиях такое право не может быть дано никому в законном христианском браке, где уже был произведён половой акт. В этом случае брачный союз полностью свершился и таким образом богоугодная и неподдающаяся человеческой власти прочность и нерасторжимость является очевидной.»²³

Из вышесказанного становится ясным, что причиной нерасторжимости брака является *произведённый половой акт*. Если половой акт не был произведён, брак может быть расторгнут несмотря на то, что он был заключён законно в присутствии священника, т. е. решающим является не Бог, который в небесах богословляет брак, а человек, который на земле производит или не производит половой акт в законном браке. Таким образом, эта точка зрения противоречит догме о божественности происхождения брака, поскольку решающим является не то, что слуги и уполномоченные Бога на земле от его имени объявляют заключённым брак, а то, имел ли место половой акт, или не имел. Эта точка зрения является развитием сформировавшегося в начале классового общества взгляда, согласно которому самым важным является моногамия, гарантирование владельцам наследников по крови. По нашему мнению, именно этот взгляд и выражается в той позиции и практике церкви, не желающей расторгнуть или признать расторгнутым даже те браки, которые были заключены между людьми исповедующими другие религии, если даже эти религии позволяли расторжение брака. И церковь не позволяет расторгнуть брак, не потому, что он заключается одновременно и в небесах перед Богом ведь христианская религия богов любой другой религии в догматическом смысле считает фальшивыми, в конечном счёте идолами, — а потому, что главной целью является то, о чём мы уже говорили: моногамия, гарантирование наследника по крови, который потом унаследует отцовское имущество. Само собой разумеется, что церковь не признаётся в этом, а вместо этого приводит самые различ-

²² S. August. De. Gen. adlitt. lib. 9c. 7n. 12

²³ Христианский брак. стр. 22. на венг. яз.

ные доводы. Один из наиболее типичных доводов находим в книге «Христианский брак» Тихамера Тота; автор полемизирует с девушкой католичкой, собирающейся выйти замуж за разведенного некаатолика, который раньше состоял в браке, считавшемся, с точки зрения католической церкви, недействительным. Отвечая на вопрос девушки, почему ей нельзя вступить в брак с таким человеком, автор объясняет таким образом:

«Нельзя, потому что католическая религия считает священными и неприкосновенными даже браки, заключённые другими религиями. Более священным, чем они сами это считают. И тот первый брак церковь и до сегодняшнего дня считает действительным...

Скажите: не это ли является той настоящей импонирующей последовательностью, когда два некаатолика, но христианина, заключают брак и мы это считаем действительным. Даже более действительным, чем считает их религия. И если даже их религия объявит брак расторгнутым, мы это не считаем расторгнутым.

Более того: если еврей и христианин—некаатолик заключает брак, то и это считается действительным. И если даже их религия разведёт их, никто из них не может вступить в брак с католиком, потому что мы считаем действительным и этот брак, более чем они сами считают.»²⁴

Более того, Тихамер Тот считает невозможным расторгнуть не только некаатолической христианский брак, но и всякий другой брак: «Таким образом, если два некаатолика заключают брак согласно своей религии, этот брак католическая церковь считает действительным. Для нас является священным, действительным и нерасторжимым и тот брак, который заключают между собой два еврея, или два буддиста, или два японца! И если один из них ещё при жизни другого хотел бы снова вступить в брак с католиком, церковь не дала бы на это своё согласие, потому что она считает действительным первый брак. Даже в том случае, если бы брак был расторгнут их религией.»²⁵

По нашему мнению, вышесказанное понятно и без комментариев, позиция церкви в отношении нерасторжимости является недвусмысленной. Однако ее положения противоречивы в своей аргументации. Ведь если брак заключался благодаря Богу, он считался бы действительным с того времени, когда перед Богом свершается клятва: «до конца моей жизни — до конца твоей жизни», и церковь именно из-за этого не позволяла бы расторжение брака. В действительности же, как мы видели брак, заключенный перед лицом Бога, всё же оставался до тех пор расторгнутым, пока не был произведён половой акт. В конечном счёте это означает, что действительная нерасторжимость брака дана не Богом, а человеком. Это особенно видно из требования нерасторжимости браков других религий, в связи с чем мы ссылались на мнения Тихамера Тота.

Церковная догма о нерасторжимости брака в историческом отношении выполняла определённую прогрессивную функцию, потому что она содействовала экономической защите феодального строя, воспитанию и защите детей. Однако в конечном счёте эта догма привела к глубоко антигуманной практике, она затрагивала и затрагивает основное право человека, право разорвать отношения, если сожительство с другим лицом становится невыносимым. Игнорирование этого права имело исключительную важность для тех, которых родители помолвили ещё в детстве, лишив будущих спутников жизни видеть или знать друг друга. При феодализме браки, заключённые из-за материальной

²⁴ Тихамер Тот: Христианский брак. стр. 58—59. на венг. яз.

²⁵ Тихамер Тот: Христианский брак. стр. 59. на венг. яз.

корысти и власти, были всеобщими. Сама церковь часто являлась зачинщицей таких браков. И после того, как такие браки были заключены, церковь строго следила, чтобы они оставались в действии, т. е. чтобы отставалась в действии созданная экономическая и политическая система, потому что упор всегда делался именно на это.

Нерасторжимость брака часто имела очень тяжёлые последствия для брачных сторон. Она делала жизнь невыносимой для них, а также содействовала распространению проституции и учащению случаев супружеской неверности. Те, кто вынужден был сожительствовать, несмотря на нестерпимое положение, из-за безрадостной семейной жизни старались найти компенсацию вне брачной жизни. Таким образом, нерасторжимость брака привела не к усилению его, не к сохранению его чистоты, а наоборот, во многих случаях к его осквернению. Часто она приводила к лицемерию, двуличию. Супруги, в случае неустроенности брачной жизни, из-за нерасторжимости брака вынуждены были лицемерить и врать окружающим. Такая психология влияла и на детей, воспитывая в них лицемерие и притворство. В конечном счёте она отравила атмосферу семьи и стала самым значительным источником общественного лицемерия.

Церковь, которая и по сей день является одним из важнейших факторов жизни общества, хотя и придерживалась принципа нерасторжимости, однако не могла полностью оторваться от действительности, боясь рисковать своим влиянием, политической властью. Поэтому из тупика таких браков, когда сожительство становилось невозможным, церковь, не давая согласия на развод, всё же предлагала какой-то выход. Таким, половинчатого характера выходом был т. н. *развод от постели и стола*. Это дало возможность при наличии определённых причин разрывать брачный союз. Церковный Кодекс Канонического Права развод от постели и стола считает мотивированным в следующих случаях:

«Канон 1129. §. 1. Из-за супружеской неверности одной из брачных сторон другая брачная сторона, хотя брачный союз и сохраняется дальше, имеет право разорвать жизненный союз даже навечно, разве только если одна из сторон не примирилась с грехом, или не дала повод для этого, или прямо или косвенно не простила грех, или же сама не совершила такое же преступление.

2. §. Прощение является безмолвным тогда, если невиновная брачная сторона после того, как ей стало известно о супружеской неверности, добровольно, из чувства супружеского долга, остаётся и дальше вместе с другой брачной стороной; а если невиновная сторона в течении 6 месяцев не прогнала, или не оставила неверную брачную сторону, или не возбудила судебное дело против нее, то последняя попадает под защиту закона.

Канон 1130. — Если невиновная брачная сторона, согласно судебному решению или по своему собственному решению, законным образом уехала, никогда, никакие обязательства не вынуждают её опять вступить в жизненный союз с неверной супружеской стороной; однако невиновная сторона может взять или позвать обратно неверную супружескую сторону, если только с её разрешения неверная сторона не выбрала такое положение, которое противоречило бы браку.»²⁶

Таким образом, церковь в качестве вынужденного выхода позволяет разрыв жизненного союза, но в первую очередь тогда, когда причиной этого является супружеская неверность одной из брачных сторон. В такого рода позиции

²⁶ Кодекс Канонического Права 1129. — I. — 2. §. 1130. на венг. яз.

всё ещё отражается та собственническая точка зрения, которая внутри брака стала гарантировать собственнику наследников по крови. Супружеская неверность мужа практически не давала жене возможность для разрыва жизненного союза, потому что чаще всего женщина не располагала имуществом и таким образом её жизненные условия не были гарантированы. В конечном счёте и это право означало право для мужчин. Из цитированной части выясняется и то, что церковь, как самая значительная идеологическая сила общества, располагала такими необходимыми для сохранения власти средствами, которые, в случае возникновения слишком напряжённой обстановки, позволяли найти выход из положения. Об этом свидетельствует также и взятый из Кодекса канонического права нижеследующий Канон:

«Канон II. 31. §. 1. Если другая сторона присоединилась к некаатолическому вероисповеданию, если детей воспитывала не в духе католицизма; если живёт преступной и позорной жизнью; если представляет физическую или моральную угрозу другой стороне; если своей дикостью совместную жизнь делает слишком невыносимой и тому подобное, — все это законные причины для развода другой стороны с помощью местного епископа или по своему собственному решению, если она убеждена в отношении дела, и откладывание его было бы опасным.»²⁷

Здесь Кодекс Канонического Права приводит ряд таких причин, при наличии которых совместная жизнь действительно представляется трудной. Однако бросается в глаза, насколько целеустремлённо выдвигаются на передний план интересы религии, ведь первые из приведённых причин являются невыгодными с точки зрения католической религии, они угрожают её господству и распространению внутри семьи. В случае наличия упомянутых выше причин большинство гражданских правовых кодексов в общем разрешают расторжение брака. В отличие от этого церковь даже в вышеприведённых случаях не даёт согласия на развод, а только разрешает раздельное жительство. Таким образом, догма нерасторжимости брака является источником многих противоречий и нецелесообразностей.

Противоречия, возникающие из-за нерасторжимости брака, увеличивались прямо пропорционально с формированием капитализма. С исчезновением же феодализма экономическая необходимость, которая породила нерасторжимость брака, постепенно теряла своё значение. Реформатские религии это осознали и, в отличие от католической религии, через определённое время сделали возможным расторжение. Однако католическая церковь и по сегодняшний день не даёт согласие на расторжение; это вероятнее всего, объясняется тем, что церковь не хочет сужать и без того всё более уменьшающую сферу влияния, ибо пока она в состоянии влиять на семейные и частные дела людей она в значительной степени в состоянии влиять и на дела общества в целом.

Догма нерасторжимости брака сама по себе не так уж важна для церкви; однако в этой концепции более всего сосредоточено право церкви на определение семейной жизни. Если церковь поступилась этим принципом, она вынуждена была бы поступиться и своим правом определять и регулировать семейные и брачные отношения, а это привело бы к сужению сферы влияния и поставило бы под сомнение ореол общественной необходимости религии. Из всего этого становится ясным, почему католическая церковь и по сегодняшний день так крепко цепляется за догму нерасторжимости брака. В другом отношении нерасторжимость брака укрепляла идею его божественности происхождения,

²⁷ Кодекс Канонического Права 1131., Канон I. §. на венг. яз.

хотя, как уже отмечалось нами, концепция божественности происхождения, в свою очередь, служила принципу нерасторжимости. В отношениях, существующих между этими двумя концепциями, наблюдается исторически меняющаяся связь. В первую эпоху главная задача заключалась в экономическом служении феодализму, акцент делался на нерасторжимости, что подтверждало концепцию божественности происхождения брака. А в наши дни акцент перемещается на божественность происхождения (как на одно из важнейших средств сохранения власти), а идеей нерасторжимости брака хотят подтвердить концепцию божественности его происхождения.

В католической семейной и брачной этике центральное место занимает учение об *иерархическом семейном порядке*. Согласно этому, внутри семьи существуют отношения подчинённости одного другому, а именно, отец является главой семьи, её руководителем, он повелевает каждому, и все должны ему подчиняться. Учение о роли отца как главе семьи является не просто выдумкой католицизма, а пережитком условий, возникнувших после появления классового общества. В большинстве рабовладельческих формаций отцы пользовались особыми правами. Римская семья и римское семейное право также свидетельствуют о том, что отец играл почти всемогущую роль, а мать и дети были ему подчинены. В эпоху распада римского рабовладельческого строя внутри семьи женщины получают всё больше и больше прав, начинается определённый процесс уравнивания прав. Однако этот процесс развивался параллельно моральному падению Рима, но не был причиной этого падения. Этот параллелизм, которому сопутствовало ослабление семейных связей, содействовал появлению таких убеждений, согласно которым освобождение женщины внутри семьи являлось якобы причиной ослабления как семейных связей, так и морали. Именно поэтому всё больше и больше стали верить в то, что улучшение семейных и всеобщих моральных условий возможно путём всё большего ограничения прав женщины и её подчинения господству мужа. Эта тенденция выражается и в учении церкви. Апостол Павел, хотя и требует, чтобы главой семьи был муж, но гарантирует определённые права и для женщин; женоненавистничество у него пока отсутствует. В отличие от него последующие отцы церкви являлись ярыми женоненавистниками, причиной чего — помимо других факторов — являлось то ошибочное мнение, согласно которому эмансипация женщин приводит к разложению семьи и морали. Не случайно церковь, основываясь на такой идеологии считает правильным всё больше связывать женщину. Эта концепция очень остро и однозначно выражается в энциклике папы Пия XI, в том месте, где, ссылаясь на Святого Августина, он говорит о семейном порядке, как о порядке любви:

«Этот порядок влечёт за собой превосходство мужа над женой и детьми, услужливое и добровольное подчинение и повинование, которое предлагает апостол: «Жёны должны подчиняться мужьям, так же как и Господу Богу, ибо муж является главой жены как и Христос является главой Церкви.»²⁸

В дальнейшем упоминается о том, что, если в общем в обязанность женщины и входит повинование, все же это не означает то, что она должна выполнять любую прихоть любого сумасшедшего человека и что не должна иметь никаких прав. Однако вслед затем, чтобы женщины могли умело пользоваться своим правом не подчиняться прихотям сумасшедшего человека и чтобы гарантировать им определённые права, церковь считает необходимым указать какие именно запреты она воздвигает перед женщиной:

²⁸ Апостольский циркуляр папы Пия XI, о христианском браке, стр. 18.

«Запрещает в организации семья делать независимым сердце от головы, это причинило бы вред всей организации, более того, оно привело бы к угрозе конечной гибели. Если муж является главой, то женщина — сердцем. И как муж претендует на власть правителя, так и жена, в свою очередь, может претендовать и даже обязана претендовать, в семье на княжество любви. *Подчинение женщины своему мужу* проявляется в разной степени и разным образом, в зависимости от личных качеств, от места и времени. Если муж не выполняет свои обязанности, тогда жена должна вместо него взяться за управление семьей. *Но ни организацию семьи, ни созданные и укрепленные Богом законы опрокинуть или нарушить никогда и нигде не позволено.*»²⁹ (Подчеркнуто нами — Л. Х.)

Обе цитаты подчёркивают подчинённость женщины в отношении мужа, и в то же время свидетельствуют о попытках уйти от возникающих при этом противоречий. Как видно последнее не очень получается, потому что сразу же выясняется, что женщина лишена всякой возможности посягнуть на основной принцип — превосходство мужа — и скорее этот принцип представляется, как исходящий от бога и поэтому незыблемый.

В подчинённости женщины своему мужу отражается порядок классового общества, в особенности иерархические порядки феодализма. Об этом свидетельствует и сравнение мужа с правителем и князем. Для феодализма главным образом характерна иерархия подчинённости и господства над другими, отражение которой в семье церковь считала естественным. Требуя подчинения главе семьи, она тем самым успешно боролась за идею подчинения власти, начальству. А то, что именно этому в эпоху феодализма придавалось решающее значение, является следствием того, что церковь при феодализме находилась в зените своей власти. Энциклика папы Пия XI вышла в свет в 1931 году, т. е. в эпоху империализма. То, что она содержит те же взгляды, которые являлись актуальными при феодализме, объясняется кроме традиций тем, что церковь с одной стороны всё ещё являлась важным политическим фактором, с другой стороны, служа всегдашней идеологии господствующих классов, активно культивировала повиновение и покорность власти.

Утверждение о превосходстве мужа и подчинённости жены имело, помимо всего прочего, и догматическое основание. Согласно христианскому мифу о сотворении мира, Бог сначала сотворил мужчину, а затем только из ребра мужчины сотворил женщину. Поэтому женщина, которая является лишь ребром, обязана беспрекословно подчиняться мужчине, из тела которого она произошла. Этот довод мы находим и у папы Лео XIII, который придерживался такого мнения:

«Муж является князем семьи и главой жены. *И так как женщина — мясо из мяса мужа и кость из кости его*, она должна подчинить себя мужу и повиноваться ему не на подобие слуги, а как жена, т.е. повиновению её должно сопутствовать необходимое уважение и достоинство.»³⁰ (Подчеркнуто нами — Л. Х.)

Порядок в семье католическая религия с большим пристрастием сравнивает с порядком в государстве; это можно объяснить тем, что религия очень уважает государство как воплотителя земной власти, ведь всякая власть дана небом.

Исключением являются некоторые идеологи раннего христианства, мнение которых заставило кануть в прошлое, но которые в своё время стояли в

²⁹ Апостольский циркуляр папы Пия XI о христианском браке. стр. 19.

³⁰ Пий XI стр. 19.

оппозиции государству. Таким образом, тот факт, что религия в качестве примера для оправдания неравноправных отношений в семье приводила неравноправные отношения в государстве, является сильным проявлением её уважения к государству. За этим, естественно, скрывается и то, что церковь сама являлась причастной к государственной власти. На этот счёт очень интересные доводы у Тихамера Тота:

«...семья является маленьким государством, маленькой самостоятельной организацией, маленьким самостоятельным владением бога, такой организацией, где существует подчинённость, неравноправие и разделение труда. А если этого нет, семья распадается.»³¹

А затем в другом месте, уже более подробно объясняя и мотивируя свои взгляды, он говорит так:

«Да, мы сегодня не колеблемся открыто сказать, что по велению Бога королём семьи является отец. Его королевство является более древним, чем королевство земли, и документ о его основании изложен на первых страницах Святого Писания (Мойсей I. 3.16.) Это королевство независимо от государственных формаций: в республике или монархии, при открытом или тайном голосовании, при диктатуре или конституционных условиях королевство мужа остаётся одинаково наприкосновенным; семья до конца остаётся маленькой монархией, повелителем, главой которого является отец.»³²

Тихамер Тот рассказывает, почему церковь считает важным строгий порядок в семье. Помимо всего прочего, потому, что кто внутри семьи, т. е. маленького государства, привыкнет к уважению власти, руководства, тот подобным же образом ведёт себя и в отношении большого государства, он и там уважает и боится руководителей, повинуется им, становится хорошим гражданином.

«Семейный порядок является не только конечной составной ячейкой человеческого общества, но и главным усилителем общественного порядка, семья строится в определённом порядке и на взаимном уважении. Семья состоит из разных членов, которые в интересах общей цели должны решать разные задачи. Дети подчинены родителям, мать является госпожой в доме, а отец — главой семьи.»³³

Религиозная догма подчинённости внутри семьи в конечном счёте выполняет разные функции и является следствием многих причин. Несомненно то, что в семье должен господствовать соответствующий порядок, однако ту форму порядка и организованности, которую требует католическая религия, нельзя принять. Эта концепция в наши дни является неприемлемой, т. к. её основы: частная собственность, феодальная иерархия, антидемократическое монархическое государство — попали на мусорную свалку истории и таким образом взгляды, отражавшие эти условия, неприемлемы для современных условий. Однако этот порядок является неприемлемым и потому, что он в значительной степени способствовал дегуманизации семьи. В рамках семейного порядка обозначенных религией, в силу необходимости возникает *отношение слуги и тирана*. Воплотителем тирана в большинстве случаев как раз и являлся отец, который располагал не только дающим власть имуществом, но и от церкви получал идеологическое подкрепление для выполнения этой функции. Для жены церковь в силу необходимости отводила роль служанки, хотя это в церковных принципах непосредственно и не выявляется, но существование отца —

³¹ Тихамер Тот: Христианский брак. стр. 20.

³² Тихамер Тот: Христианский брак стр. 20.

³³ Тихамер Тот: Христианский брак стр. 19.

тирана в действительности всегда способствовало этому. Отношение тирана — слуги в большой степени отравляло атмосферу семьи, эта атмосфера влияла и на ребёнка, передаваясь из поколения в поколение, она в течение длительного времени являлась одним из главных препятствий осуществления женской эмансипации. Более того, в наши дни, когда общественное, политическое, правовое, рабочее и т. д. существование женской эмансипации уже является реальностью, внутри семьи женщины всё ещё выполняют подчинённую функцию, одной из существенных причин чего является именно психология, которая была внушена, иннервирована людям католической религией относительно роли мужчины и женщины, и от которой нелегко освободиться даже неверующему. Церковь не только считала женщину слугой в семье, но и решительно выступала против общественной эмансипации женщин. В цитированной нами энциклике Пий XI ратовал против тех, кто хотел сделать женщину свободной в семье, и в обществе.

«Те же лжеучители, которые свет супружеской верности и чистоты затмевают своими писаниями и речами, колеблют и интимную и благородную подчинённость женщины. По дерзкому утверждению этих людей, эта подчинённость представляет собой недостойное рабство одного из супругов перед другим, в то время как супруги являются равноправными во всём. И так как рабство одного затрагивает равноправие, женщинам необходима свобода, более того — как они гордо хвастаются — освобождение уже свершилось.

Они говорят о тройной свободе — о свободе управления семьёй, обращения с семейным имуществом, защиты от беременности и её насильственного прерывания; и это они называют *общественной, экономической и биологической свободой*.»³⁴

После этого, выворачивая наизнанку и в значительной степени искажая содержание вышеуказанных требований, Пий XI с апостольским пафосом и святым возмущением продолжает:

«Однако не это представляет собой настоящее освобождение женщины, и не это является рациональной и достойной свободой женщины, которая удостоена благородной должности христианской женщины и жены. Это скорее совращение женского и материнского достоинства, полнейший подрыв семьи, в результате чего муж теряет жену, ребёнок — свою мать, а дом и вся семья постоянного и бдительного охранителя. Более того, для женщины самой вредна эта лжесвобода и противоестественно равноправие с мужем. Ибо если женщина сойдёт с того королевского трона, на который она была посажена евангелием в стенах семейного очага, она вскоре снова попадает в прежнее рабство (может быть, внешне и незаметное) и, как это было у язычников, станет просто орудием в руках своего мужа... Впрочем должно быть какое-то неравноправие и разница в рангах, требующие благополучия семьи, единства и прочного порядка семейной жизни.»³⁵

Ради правдивости к вышесказанному необходимо ещё добавить, что в отношении женской эмансипации сегодняшняя позиция церкви стала уже не такой жёсткой. Однако причиной этого является не прогрессирование церковных догм, а историко-общественное развитие, которое произошло в полседнее время. Женщины занимают всё более и более значительное место в производстве, в обществе и всё меньше и меньше довольствуются своей внутрисемейной ролью. Первый тяжёлый удар в этом отношении был нанесен церкви буржу-

³⁴ Цит. произведение. стр. 45—46.

³⁵ Цит. произведение. стр. 44—45.

азным обществом, когда оно всё в большей и большей мере использовало сравнительно дешёвый женский труд. А вслед за тем и страны социализма, осуществив эмансипацию женщин, заставили церковь пересмотреть свои взгляды на этот счёт. Таким образом, понятно, что позиция папы Иоанна XIII в отношении общественной роли женщины была другой, чем у его предшественников. Однако следует добавить, что если официальные круги церкви и изменили свои взгляды, то это нельзя сказать о церкви в целом. Упомянутые нами жёсткие взгляды церковь настолько широко распространила, что для их ликвидации требуется длительное время, и поэтому эту проблему нельзя рассматривать как устаревшую; очевидно, ещё на долгое время она останется живой и действенной.

Причиной острых споров и многих проблем католической семейной этики являлся вопрос о смешанных браках. Церковь вынуждена была терпеть смешанные браки и примиряться с ними, но всегда яростно выступала против них, и выдвигала такие требования, которые гарантировали неудачливость брака. Церковное право в предупреждении таких браков различает запрещающие и разводящие препятствия. (Канон 1036. §. 1—2) Разводящие препятствия делают браки недействительными, а запрещающие препятствия, к которым мы можем причислить и смешанные браки, не делают недействительным заключённый брак. На смешанные браки церковь смотрит как на запрещающие препятствия и в общем выступает против них:

«Церковь самым строжайшим образом запрещает, чтобы два крещённых лица из которых один католик, а другой еретик или принадлежит к схизматическому вероисповеданию заключили между собой брак: если угрожает опасность вероотступничества другой брачной стороны и детей, то браку препятствовал бы и божий закон.»³⁶

Однако этот запрет в действительности очень трудно осуществить, особенно в таких местах, где люди разных религий живут вместе; в таких случаях церковь вынуждена отступить от этого запрета. Если она и отменяет основной запрет, то старается строгими оговорками защитить свои интересы от других религий. Церковный канон согласен отменить запрещающее препятствие в следующих случаях:

§. 1. «Церковь не освобождает из-под запрета смешанных религий только тогда, если:

1. этого требуют обоснованные и веские причины;
 2. не католическая брачная сторона гарантирует, что католической брачной стороне не угрожает вероотступничество и что брачные стороны всех своих детей будут крестить и воспитывать в католическом духе;
- в моральном отношении гарантировано, что они выполняют данные обязательства.

§. 2. Гарантии обычно даются в письменном виде.

1062. Канон. Католическая брачная сторона обязана мудро подготовить обращение не католической брачной стороны в католическую веру.»³⁷

В дальнейшем кодекс с основательной предусмотрительностью излагает, в каких случаях не даётся освобождение из-под запрета, и отдельно подчёркивает, что супругам ни в коем случае нельзя идти к священнику другой религии. Церковные руководители обращают внимание и на то, что они со всей строгостью будут требовать выполнения данных гарантий и особенно будут следить за

³⁶ Кодекс Канонического Права 1060.

³⁷ Кодекс Канонического Права 1061—1062. Канон.

живущими в смешанных браках людьми. Церковный кодекс, помимо смешанных браков для верующих, также запрещает браки с такими людьми, которые стоят в оппозиции к церкви или являются атеистами.

Запрещение смешанных браков в первую очередь означает ограничение свободы брака, и кроме этого, противоречит свободе совести. Марксизм, подчёркивая требование свободы любви, подразумевает под этим такой брак, который свободен от церковных оговорок и в который молодые могут вступить невзирая на расхождение в религии. Запрещая смешанные браки, церковь отравляла жизнь многим молодым людям. Как бы ни любили друг друга молодые, принадлежавшие к разным религиям, как бы ни хотели вступить в брак, церковь препятствовала этому, очень часто оказывая давление на молодых через их родителей. Кроме ограничения свободы брака, гораздо неприятнее для живущих в смешанных браках было насилие церкви над совестью. При католических оговорках невозможно было уважать принципы других религий, более того, оговорки, направленные на то, чтобы обратить не католическую брачную сторону в католическую веру, ставили и цель ликвидировать другие религии. Католическая религия сделала вопросом совести и религиозной обязанностью для католической брачной стороны обращение в католическую веру не католической брачной стороны. На это очень часто сами священники обращали внимание верующих, более того, требовали от католической стороны, — в большинстве случаев прибегая к реторсии, — вести кропотливую, систематическую работу. Если не католическая сторона считала делом сердца защищать интересы своей религии, как этого требовала от верующих католическая религия, тогда это неминуемо приводило к непрерывным ссорам и религиозным спорам. Недаром другие религии, критиковали и критикуют за это католическую религию, поскольку это церковное требование в значительной степени ущемляло свободу совести верующих, принадлежавших к другим религиям. Тихамер Тот интересным образом подытоживает те обвинения, которые были выдвинуты против католической религии другими религиями в отношении смешанных браков.

«Ни из-за одного такого церковного закона наша церковь не терпит столько упреков, подозрений, обвинений и клеветы, сколько она вынуждена терпеть из-за позиции, занятой в вопросе смешанных браков и соглашения родителей о религии детей.

«Они говорят, что это абсурдное требование со стороны Церкви, «что это деспотизм,» «связывание совести рабской цепью», «желание властвовать» и так далее, целая вереница предвзятых и непонятных обвинений.»³⁸

Эти обвинения в большинстве случаев реальны, и церковь не может привести в свою защиту никаких доводов, кроме банальностей или утверждения о своем собственном призвании.

«Никто из тех, которые стоят вне церкви, которые не чувствуют стука её волнующего, материнского сердца, которым не доступен самый сокровенный мир её мыслей, не может понять этот вопрос о соглашении родителей о религии детей. А те, которые понимают и знают это, всё поймут. Католическая Церковь признаёт и проповедует о себе, что Христос наш Господь вверил ей всю полноту искупления, и вверил ей спасённые ценой его смерти души и совестью отвечает за то, чтобы никто из детей верующих не оторвался от паствы Христа, и чтобы никто из них не потерял дорогу к Церкви Христа.»³⁹

³⁸ Тихамер Тот. Христианский брак. стр. 6.

³⁹ Там же. стр. 64—65.

Таким образом, церковная аргументация сводится только к тем, уже с давних времён известным аргументациям, согласно которым единственная верная религия — это католическая религия, и следовательно, только её требования являются законными. В результате этого появляется то непонимание, о котором Тихамер Тот патетически заявляет, что оно, это непонимание, у каждого не католика является закономерным. В действительности у беспристрастного наблюдателя или у человека придерживающегося объективной позиции, должно возникнуть чувство непонимания, потому что здесь церковь принимает во внимание только лишь свои интересы. К этому выводу пришло и большинство европейских буржуазных законодателей, включив в государственное право семейное право, вопрос о браке и отделив их от церкви, от её интересов и представлений.

Католическая семейная и брачная этика занимает самую жёсткую позицию в отношении проблемы *регулирования рождаемости и предупреждения беременности*. Церковная позиция, занятая в этом вопросе, концентрируется в слове «нет». В этом вопросе церковь противостоит всем и всему, ничего не позволяет, не оставляет никакой альтернативы. Особенно жёсткую позицию занимает в отношении любой формы регулирования рождаемости папа Пий XII, который в своей энциклике во многих местах и особым образом затрагивает этот вопрос. Прежде всего он заявляет, что единственной целью сексуальной жизни между супругами должно быть деторождение, а если этого нет, тогда сексуальная жизнь является аморальной:

«Такое использование супружеских прав, которое нарочно лишает того естественного действия деторождения, является нарушением Божьих законов и законов природы, и те, которые поступают подобным образом, совершают тяжкое преступление.»⁴⁰

Упомянув выше о сексуальной морали, мы уже говорили о том, что церковь сексуальную жизнь вообще считала преступлением, а сексуальную жизнь в браке считала морально оправданной и естественной лишь в том случае, если единственной её целью было деторождение. А такая сексуальная жизнь в семье, когда стараются избежать деторождения, считается противоестественным и отвратительным, о чем сам папа Пий XII говорит так:

«Никакая причина, даже самая тяжёлая не может сделать естественным и порядочным то, что на самом деле является противоестественным. Использование супружеских прав согласно их природе направлено на деторождение, и таким образом совершают преступление против природы и в сущности совершают отвратительное и аморальное дело те, кто лишает их естественной цели и действия.»⁴¹

Исходя из этого, церковь не позволяет пользоваться никакими противозачаточными средствами, и когда налицо факт предупреждения беременности любым способом, сексуальная семейная жизнь становится яморальной. С точки зрения рациональности, очень трудно понять позицию церкви, особенно то жёсткое упрямство, которое она проявляет в этом вопросе. Очевидно, что причины, породившие такую концепцию, имеют различные корни. В идеологическом отношении ранние христианские церковные отцы занимали подобную жёсткую позицию, так что подобный взгляд мог формироваться ещё тогда.

Святой Августин высказывается так:

«Иногда дикость или жестокий разврат доходит до того, что прибегают к

⁴⁰ Цитиров. произв. стр. 34.

⁴¹ Цит. произв. стр. 33.

ядам, причиняющим бесплодность, а если и те не приносят должный эффект, то они каким-нибудь иным способом убивают плод во чреве матери и извлекают его, чтобы тот погиб раньше, чем станет жить, чтобы тот умер раньше, чем родился. Если оба родителя являются такими, тогда они не супруги, и если они были такими с самого начала, тогда они поженились не ради супружеской жизни, а ради внебрачного сожителства; а если оба они являются такими, тогда я смею заявить, что либо женщина является сожительницей своего мужа, либо муж при своей жене прелюбодействует.»⁴²

Таким образом Августин уже в ранний период христианства выражал точку зрения, которая позже стала общепринятой. Это в идеологическом и идейном отношении объясняет формирование современной точки зрения, но не раскрывает её основную причину. По нашему мнению, основная причина носит экономический характер. При феодализме церковь выступала против использования противозачаточных средств, потому что с рождаемостью увеличивалось число подданных и число рабочих, плативших налог и десятину. Для церковных организаций было не всё равно, сколько людей платило десятину, налог в пользу церкви и каким числом верующих они распоряжались. Чем больше было подданных, тем большую власть имели церковные организации и, пропорционально этому, тем больше они могли под разным предлогом выманить из кармана верующих. Таким образом, как при феодализме, так и при капитализме церковь была заинтересована во всё большем приросте населения католического вероисповедания. А то, что в бедных семьях трудно было содержать много детей, и то, что женщина из-за большого количества детей в семье могла развивать свои способности только в ограниченной степени и поэтому ей полностью была недоступна общественно-политическая деятельность, церковь не принимала во внимание. Папа Пий XI и все те, кто выступал против предупреждения беременности, в конечном счёте защищали сформировавшиеся при феодализме церковные интересы, и сегодняшние интересы лишь в той степени, в какой в католических семьях в результате отказа от предупреждения беременности деторождение повысится и дети станут верными католиками, и следовательно, увеличится число верующих а вместе с тем и возможность распространения церковной власти.

Другая причина, также играющая значительную роль, носит общественно-психологический характер и связана с celibатом священников. Для священников, живущих в celibате, одной из причин отказа от сексуальной жизни являлось грешность сексуальной жизни, священник должен был считать сексуальной жизни искушением, которое равно бесовскому наваждению и которое означало господство грешного тела над душой. И не случайно, что те священники, для которых сексуальная жизнь была запрещена, требовали чтобы и верующие жили сексуальной жизнью только при условии, если она непосредственно направлена на деторождение. Церковь не хотела признать (и до сегодняшнего дня не признаёт), что сексуальная жизнь является необходимым стимулом нормального биологического и психологического функционирования человеческого организма и что упорядоченная, в моральном отношении позволенная сексуальная жизнь является источником большой жизненной радости.

Помимо перечисленных трёх причин, по всей вероятности, и другие причины содействовали формированию церковного взгляда, направленного против предупреждения беременности. Однако раскрытие этих причин не входит в нашу задачу. Вместо этого мы считаем необходимым подчеркнуть, что поль-

⁴² Пий XII. «О христианском браке...» стр. 39.

зование: противозачаточными средствами является суверенным правом супругов, более того, современное использование противозачаточных средств диктуется интересами женщин. Это необходимо и потому, что общественную роль женщины нельзя сводить к деторождению, а если женщины не будут пользоваться никакими противозачаточными средствами, то, кроме деторождения и воспитания детей, они вынуждены будут отказаться от всякой общественной деятельности. Интересы женщины требуют использования противозачаточных средств ещё и потому, что аборт оказывает вредное влияние на здоровье женщины и может оказаться причиной тяжёлых последствий. Всё это церковь не принимает во внимание и отрицательно относится к любой форме предупреждения беременности, заявляя, что в случае пользования противозачаточными средствами сексуальная деятельность становится противоестественной и превращается в пакость. В вопросе предупреждения беременности папа Пий XI в своём апостольском циркуляре определённое понимание проявил к тем супругам, которые вынуждены против своего желания заниматься такого рода деятельностью.

«Церкви хорошо известно и то, что очень часто один из супругов скорее терпит, чем принимает участие в грехе, потому что вследствие веских причин только лишь позволяет, но сам не хочет перевернуть закон природы, и из-за этого он сам является невиновным. Но и он сам должен думать о законе любви и обязан удержать другую супружескую сторону от греха.»⁴³

Что следует подразумевать под тем, что один из супругов только терпит, и не принимает участие в грехе, — папа подробно не объясняет, но если понимать буквально, то его слова означают, что один из супругов только терпит сексуальную жизнь, но для него самого она ничего не означает, она не доходит до сексуального наслаждения. А это может послужить причиной полового отчуждения, фригидности, а в дальнейшем и конфликтов между супругами.

Половую жизнь, целью которой не является деторождение, церковь считает безгрешной только лишь у тех, кто болен или стар и поэтому не может иметь детей.

«Безгрешными являются и те супруги, которые хотя и правильно и естественно пользуются своими правами, но в силу естественных причин, по старости или по причине других недостатков новая жизнь не может зародиться в них.»⁴³

Церковь ещё решительнее выступает против прерывания беременности, аборта, чем против пользования противозачаточными средствами. По мнению церкви, это равно убийству. Папская энциклика об этом пишет следующее:

«Мы должны напомнить ещё об одном тяжёлом грехе — Уважаемые Братья, — о грехе, который совершается в виде покушения на жизнь ребёнка во чреве матери. По мнению одних, это позволено и зависит только от воли родителей. А другие в общем считают это запрещённым, но в случае веских причин, о которых они упоминают как о врачебных, общественных, евгенических рекомендациях, считают дозволенным. И от государственного законодательства, уголовное право которого запрещает убийство зачатого, но ещё не родившегося ребёнка, требуют, чтобы признали и объявили законными именно эти, защищённые ими различные предложения. Более того, есть и такие люди, которые требуют от официальных властей, чтобы они оказали им помощь в этих смертельных операциях, — и общеизвестно, что к сожалению, в некоторых местах такая помощь оказывается.»⁴⁴

⁴³ Пий XI. Христианский брак. стр. 35.

⁴⁴ Цит. произв. стр. 35—36.

На основе католического мировоззрения и католической идеологии в определенной степени становится понятным, что церковь в общем выступает против абортов. Однако трудно понять эту оппозицию в том случае, когда аборт необходим для сохранения жизни женщины. Церковь и в этом случае настаивает на своем, что на самом деле означает вынесение матери смертного приговора.

«А что касается *врачебных и лечебных рекомендаций* — мы пользуемся словами этих людей —, мы уже говорили о том, насколько мы жалеем мать, у которой по причине её естественной обязанности здоровье, а может быть даже и жизнь в опасности, но какая причина может быть достаточна для оправдания прямого уничтожения невинного существа... Всё равно, покушаясь на жизнь матери или ребёнка, они совершают преступление против природы и законов божьих: *не убий!* Одинаково священна жизнь обоих, и для её уничтожения не может иметь право никакой орган государственной власти.»⁴⁵

В том случае, если роды будут иметь смертельный исход, для матери церковь может гарантировать лишь сожаление и божье вознаграждение, и это она делает с пониманием и сочувствием.

«Церковь, как хорошая мать, понимает и чувствует все те аргументы, которые приводят в защиту здоровья и жизни матери. Кто мог бы взирать на это без глубочайшего сочувствия? Кто не восхищался бы при виде той матери, которая, идя на верную гибель, героически жертвует собой, чтобы спасти жизнь своего ребёнка? За то, что она выполняет свои естественные обязанности, за её мучения *Может заплатить только неизмеримо щедрый и милостивый Бог, и он заплатит ей по достоинству.*»⁴⁶ (Подчеркнуто нами — Л. Х.)

Таким образом, церковь с восхищением и сожалением относится к самопожертвованию матери, но требует этого самопожертвования и гарантирует, что безгранично милостивый бог на том свете заплатит матери за всё то, что она сделала ради своего ребёнка. Позиция церкви, занятая в этом вопросе, неверна. Однако в данном случае не может быть и единой, пригодной для всех случаев точки зрения, потому что эта проблема является исключительно сложной и многосторонней. Уголовные кодексы и до сегодняшнего дня наказывают за плодизгнание. У нас в Венгрии плодизгнание тоже запрещено. Однако аборт, если на это дает согласие т. н. Комитет по абортам, разрешается в государственных лечебных заведениях. По нашему мнению, к личной свободе относится и решение супругов, сколько детей они хотят. Далее, если женщина забеременела, она имеет право сама решить, хочет ли она родить ребёнка или нет? Однако и этим правом, как и всяким другим можно пользоваться только в том случае, если оно не противоречит общественным интересам. Тем женщинам, для которых роды вредны или опасны для здоровья, необходимо дать возможность воспользоваться данным правом. Однако в моральном отношении в общем нельзя санкционировать аборт, более того, во многих случаях надлежит осудить его хотя он и разрешен правом. Это касается таких случаев, когда супруги, не имеющие детей или имеющие только лишь одного ребёнка, из-за стремления к удобствам или из-за корыстолюбия не хотят иметь больше детей. В таком случае в условиях социализма аборт является аморальным. Однако и здесь могут быть исключения. Например, молодая женщина, которая является хорошей спортсменкой или занимается искусством и находится в стадии развития и раскрытия своего таланта имеет моральное право — в интересах своего таланта — на аборт, потому что в случае родов тормозится дальнейшее

⁴⁵ Цитированное произведение, стр. 35—36.

⁴⁶ Цит. произв. стр. 35.

развитие личности. По нашему мнению, трудно найти общую, пригодную для всех случаев основу для обсуждения. Однако в конкретных случаях всегда можно решить, приемлем или не приемлем в моральном отношении юридически позволенный аборт. В определённых случаях и по материальным причинам, с социальной точки зрения аборт морально оправдан, однако это не касается тех случаев, когда супруги «из-за приобретения собственной машины не могут иметь ребёнка», это относится лишь к таким обстоятельствам, когда материальные условия влекут за собой нищету и лишения в полном смысле этого слова. Для марксистской этики, в отличие от католической, совершенно неприемлема жёсткая, без альтернативы концепция. Религиозная мораль безоговорочно отвергает аборт, однако и социалистическая мораль не может впасть в другую крайность — в любом случае оправдывать и позволять аборт. Исходя из конкретных обстоятельств, социалистическая мораль признаёт несколько возможностей; в одних случаях аборт можно считать морально оправданным, а в других он несовместим с социалистической моралью.

Церковь отвергает и запрещает аборт, потому что считает это убийством. Тихамер Тот, например, об этом пишет так: «Биологически несомненно, что со слиянием половых клеток двух людей в образовавшейся новой клетке с первого же момента зачатия пульсирует настоящая человеческая жизнь. Между ещё неродившимся эмбрионом и ребёнком в колыхании нет существенной разницы. Поэтому католицизм с такой же непоколебимой храбростью защищает жизнь ещё неродившегося, как и уже родившегося ребёнка.»⁴⁷

Указанные выше церковные доводы благовидны, однако они не соответствуют действительности. Ведь аборт нельзя считать убийством. Хотя изгнание плода карается любым кодексом, однако наказание за это во всех случаях более лёгкое, чем в случае убийства. В общем-то изгнание плода, как мы об этом уже говорили раньше, должно быть осуждено и социалистической моралью, однако это осуждение не должно быть жёстким. В определённых случаях общество должно позволять аборт, поскольку это является составной частью личной свободы человека и во многих случаях может происходить под давлением обстоятельств. Но так как наша задача заключается в том, чтобы показать взгляды католической религии, этическими проблемами аборта более подробно не будем заниматься.

Среди основных особенностей католической семейной этики существенным элементом является сочетающийся с мистицизмом *иррационализм*. Мистицизм проистекает непосредственно из самой природы религии и в определённых случаях ведёт к иррационализму. Иррационализмом питается и догматизм, который в общем характерен для всех религий. Во всех основных принципах католической семейной этики, которые были охарактеризованы нами, можно найти элементы иррационализма. Главным источником иррационализма служат не догмы, которые формировались в разных эпохах. Даже когда они уже устаревали, церковь всё ещё придерживалась их, и таким образом они стали несовместимыми со здравым смыслом. В случае с католической семейной этикой речь идёт конкретно о том, что она сформировалась при феодализме, когда ещё и церковь находилась в зените своей власти. Однако с тех пор общество и мир коренным образом изменились; но так как церковь всё ещё проповедует те же догмы, она неизбежно становится на почву иррационализма. Иррационализм

⁴⁷ Тихамер Тот: Христианский брак стр. 222.

питается также и таким существующим внутри католицизма взглядом, согласно которому церковь в течение многих лет заставляла людей придерживаться иррациональных норм, что обеспечивало ей господство над людьми, их послушание. Согласно этому мнению некоторые церковные деятели ключом к власти и авторитетности церкви считали авторитетность норм католицизма. По нашему мнению, в настоящее время церковь не пользуется необходимым влиянием среди людей именно потому, что люди живут не в соответствии с этими нормами. В действительности имеет место прямо противоположное отношение. Церковь только потому могла предписывать эти правила и заставлять людей придерживаться их, что она как в политической, так и экономической жизни общества представляла собой значительную силу. В каузальном отношении причина заключалась в позиции власти и общественной позиции, а предписание и регулирование норм брачного и семейного сожителства являлись следствием этого, а не наоборот. Однако это не исключает того, что следствие повлияло на причину. Например, в наше время иррациональным является требование запрещения смешанных браков, также те оговорки, которые выдвигает церковь. При феодализме это имело рациональный смысл, так как служило защите религии и интересам католицизма. Однако в наши дни оно уже потеряло свой прежний характер и больше не может препятствовать заключению смешанных браков. А если молодые уже вступили в брак, то множество оговорок и строгость могут лишь оттолкнуть их от той религии, которая эгоистическим образом принимает во внимание только свои интересы и враждебно смотрит на желание молодых вступить в брак.

Очевидно, вместо того, чтобы чинить препятствия, придираясь и проклинать, гораздо лучше было бы для церкви служить интересам католической религии, не вмешиваясь в вопрос о смешанных браках. Таким образом ей удалось бы показаться в таком свете, будто она занимает более современную и снисходительную позицию по отношению к частным проблемам человеческой жизни.

Иррационализм католической семейной этики проявляется главным образом в двух формах. Одна из них, — которая является наиболее характерной, — косвенный иррационализм. Каждая догма семейной этики имеет иррациональную сторону, иррациональный смысл и в том случае, если даже церковь логически старается мотивировать их. По нашему мнению этот косвенный иррационализм выразился в описании основных особенностей католической семейной этики. Помимо косвенного иррационализма, есть и прямой, непосредственный иррационализм, у которого имеется несколько разновидностей, различных проявлений. Согласно этому рационализму, человек должен верить богу и слугам его, а не здравому смыслу. Такой взгляд в энциклике о браке, которую можно считать самым важным церковным документом в этом отношении, сформулирован следующим образом:

«...общеизвестно, как часто разочаровываются некоторые и как смешивается правда с ложью, если эту правду они должны искать *миром своих умов* или личным объяснением откровения. А если это происходит так и в случае с правдой другого характера, то в гораздо большей степени это верно в случае с браком, где чувственные инстинкты легко совсем покрывают, вводят в обман и развращают порочного человека, где соблюдение в течение длительного времени божьего закона брачными сторонами требует больших жертв, которые, как об этом свидетельствует опыт, порочный человек в качестве аргументов старается использовать для того, чтобы освободить себя от божьего закона.»

Далее энциклика папы даёт советы и в отношении того, как должен поступить порочный человек, чтобы постичь правду, чтобы освободиться от разочарований и заблуждений, причинённых своим умом:

«И чтобы человеческий ум озарялся не каким-то искажённым, извращённым понятием божьего закона, а человеческой моралью руководило верное и подлинное знание этого закона, кроме благочестия и религиозности необходимо ещё и искреннее и покорное повиновение церкви.»⁴⁸

Особо важное значение имеет благочестие и покорное повиновение, поскольку оно является основной гарантией того, что верующие все церковные откровения принимают за истину, даже если это противоречит здравому смыслу. Хотя человеческий ум и может многое постичь верно и самостоятельно, постижение настоящих знаний может быть гарантировано только церковью, и именно поэтому «...верующие обязаны повиноваться церкви и подчинять ей свой ум и волю, чтобы избавиться от заблуждений своего ума и морального развращения.»⁴⁹ Человеческий ум не является непогрешимым и часто впадает в заблуждение, однако сопоставление религиозных откровений и трезвых фактов ума является не верным путём постижения истины, а напротив, препятствием на пути, ведущем к истине. В данной реляции церковь сопоставляет истины религии и неслучайные заблуждения в процессе познания и во всех случаях обеспечивает преимущество религии перед умом, если тезисы религии и ума противоречат друг другу. Идея первичности церковных взглядов перед умом в отношении вопросов, касающихся брака и семьи, — особенно чётко выражается в следующих словах:

«Верующие должны осторожно относиться к тем вопросам которые, в настоящее время общеприняты в браке, они не должны слишком надеяться на свои суждения, так как самоопределение, свобода человеческого ума не должна вводить их в соблазн. Настоящий христианин далёк от гордой самонадеянности в отношении своего таланта, далёк от того, чтобы принять только то, что постиг через внутренние причины своим умом. Он далёк от такого мнения, согласно которому, церковь, которой Бог вверил воспитание всех народов и руководство их душой, в современных условиях и вопросах якобы недостаточно информирована и поэтому ей нужно верить и повиноваться только в тех вопросах, которые решены ею в торжественной форме, в праве можно считать, что некоторые её второстепенной важности решения могут быть ошибочны, или в них недостаточно убедительно определение истины и моральной добропорядочности. Напротив, истинному христианину свойственно — будь он учёный или безграмотный — во всех вопросах, касающихся веры и морали, ожидать указаний от святой церкви, Бога и от его главного пастыря, папы римского, который в свою очередь руководит Иисус Христос.»⁵⁰ (подчеркнуто нами — Л. Х.)

Из процитированного выше, а также из других текстов становится очевидным не только то, что уму всегда предпочитается религия, но и то, что сами представители религии чувствуют иррациональность своих тезисов и всячески стараются оправдать себя. В конечном счёте они приходят к одному и тому же результату; верующие без всякого сомнения должны принять позицию церкви, потому что лишь она одна представляет собой божественную правду. И чтобы

⁴⁸ Цитированное произведение, стр. 63.

⁴⁹ Цитированное произведение, стр. 64.

⁵⁰ Цит. произв. стр. 65.

верующие уже совсем не пользовались своим умом, папа объявляет, что церковь не только является непогрешимой в основных вопросах, но и в вопросах второстепенной важности представляет божественную истину, и поэтому во всем требует от верующих беспрекословного повиновения.

Непосредственный иррационализм проявляется и в том, что церковь подчёркивает правоту религии не только в отношении здравого ума, но и в отношении наук. Она подвергает сомнению ряд научных достижений, а некоторые из них объявляет ухищрением дьявола, памфлетами аморальных нарушителей божьего закона. Именно это выражено в той части папской энциклики, где папа Пий XI говорит об обязательном для всех епископов руководстве борьбой за единовластие христианских представлений о браке и за разоблачение взглядов иного направления:

«Современные подрыватели основ брака прилагают все усилия к тому, чтобы словом, письмом, книгами, статьями, всеми возможными средствами растлевать души, издеваться над чистотой брака, чтобы восхвалять самые низкие грехи: тогда вам самим — уважаемые собратья — ...с помощью священников своих и тщательно избранных светских людей, ... ещё более усиленно нужно стремиться к тому, чтобы заблуждению противопоставить правду, мерзкому греху—свет чистоты, рабству инстинктов—свободу основ божьих, напрасному легкомыслию разводов—длящуюся вечно настоящую супружескую любовь и святость клятвы приговоренного к смерти.»⁵¹ Согласно позиции католицизма, каждое произведение, писание и догма, которые содержат в себе взгляды, противостоящие католическому восприятию, обязательно являются мерзостью, аморальностью и могут привести лишь к разложению семьи, расторжению брака, тогда как католические взгляды — единственная гарантия прочных семейно-брачных связей.

Иррационализм и антинаучность проявляется и в решении биологических вопросов. Общеизвестно, что в жизни людей брак выполняет важную биологическую функцию, и необходимо, чтобы каждый живущий в браке понимал это. Церковь всё это не принимает во внимание, и как мы уже убедились в этом, в сексуальных вопросах и в вопросах биологического характера она лицемерное незнание считает более правильным. Цитируем такого рода антинаучное высказывание папы Пия XI.:

«Ведущее к спасению христианское учение о браке и религиозное воспитание далёк и от того биологического воспитания, посредством которого стараются угодить брачным те, кто воображает себя в роли исправителей брачной жизни: они говорят много о биологических вопросах, благодаря которым скорее можно научиться хитрости преступности, чем целомудрию чистой жизни.»⁵²

Вероятно, что среди тех биологических произведений, осужденных папой, немало таких, которые ошибочны и с которыми во многих вопросах не согласна и социалистическая семейная и брачная этика. Однако исключение, по этой причине, из брачной жизни всей биологической науки означает иррационализм, проявляющийся в его чистейшей форме. Без соответствующих биологических знаний в брачной жизни может возникнуть ряд сложных проблем, которых можно было бы избежать в случае вооружения необходимыми знаниями.

⁵¹ Цитированное произв. стр. 66.

⁵² Цит. произв. стр. 67.

Целью всего вышесказанного о католической семейной и брачной этике являлось изображение её главных характерных черт. По нашему мнению, эту задачу мы выполнили, хотя и не досконально, так как существуют очевидно ещё и другие, не описанные нами черты. Мы нарочно не касались тех характерных черт, которые присущи не только католической семейной этике, но и бракам классового общества вообще. Между прочим, к проблемным вопросам такого характера мы относим моногамию, родственные отношения, догматизм и. т. д. В итоге, характеризуя рассмотренные вопросы, в общем можно сказать ещё следующее: Католическая семейная этика носит типично феодальный характер. Сформировавшись при феодализме, она достигла чистейшей формы своего развития. Кроме этого, она включала в себя общие черты семьи классового общества и именно поэтому смогла приспособиться к капитализму. Анализируя перечисленные нами черты, мы прежде всего старались подчеркнуть их устаревшие, нерациональные и негативные стороны, поскольку именно эти стороны преобладают в наши дни. Однако всё это не означает того, что упомянутые взгляды имеют и имели только лишь одни негативные и нерациональные стороны. Возникновение этих взглядов было вызвано исторической необходимостью, так как семейные и брачные условия всегда изменялись вместе с изменением общественного бытия, и таким образом суть католической семейной этики решающим образом всегда определялась социально-экономическими условиями. Однако форма и характер содержания этики созданы католицизмом и несут на себе печать догматизма, иррационализма, святошества, которые могли быть порождены только нездоровыми ростками католицизма. Во избежание односторонности необходимо принять во внимание и такой факт, что, кроме очевидных отрицательных сторон католической семейной этики, она имела и положительные стороны. Такой положительной стороной мы можем считать, например, то, что вместо распущенной и непрочной семьи рабовладельческого строя католическая этика создала такой тип семьи, который гарантировал экономическое развитие феодализма. Правда, решающую роль в этом сыграли социально-экономические факторы, но идеологическое влияние принадлежит церкви. Ещё одна положительная сторона католической семейной этики состоит в том, что она защищает ребёнка, принимает во внимание интересы детей. В том факте, что она выступает против абортот и против применения противозачаточных средств, проявляется, кроме всего прочего и защита детей. Кроме этого, церковь предписала родителям заботу о своих детях и об их воспитании. Правда, она требовала этого не без корысти, поскольку она прежде всего хотела воспитания в духе религиозности. Но нельзя отрицать и оспаривать, что за защитой детей, скрываются и тёмные стороны. Самой тёмной стороной можно считать проблему так называемого «незаконнорождённого ребёнка.» Католическая семейная этика, согласно духу феодализма, незаконнорождённого ребёнка лишала всех прав. Общеизвестно, что незаконнорождённый ребёнок не имел права носить фамилию отца, не имел права, унаследовать даже состояние матери, его не считали за своего ни родственники отца, ни родственники матери, в конечном счёте он был личностью вне общества, и это оправдывала католическая религия.

К достоинствам семейной этики нужно отнести и требование соблюдения брачной верности. Это требование было вызвано не только стремлением гарантировать законных наследников, но и тем, что таким способом можно было успешно бороться против венерических болезней, от которых не было ни соответствующего лекарства, ни эффективного способа лечения. В конечном

счёте требование соблюдения супружеской верности и моногамии способствовало укреплению семейных связей, однако это не исключало того, что при определённых условиях оно способствовало супружеской неверности и проституции. Важное значение имели и стремления католической семейной этики культивировать взаимное уважение, взаимную любовь и взаимопомощь между супругами. Несмотря на то, что всё это осуществлялось не выходя за рамки господства и руководства отца внутри семьи, это являлось важным шагом, так как требовало определённых прав и для женщин, в отличие от магометанского феодализма, где женщину не считали за человека.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что положительные стороны всегда имели определённые отрицательные, дегуманизированные последствия, и наоборот, отрицательные, нерациональные характерные черты в историческом отношении служили определённым общественным целям.

Оценивая характерные черты католической семейной этики, всегда необходимо учитывать то, какие именно черты были порождены стремлением церкви к власти и обогащению. За те нормы семейной и брачной морали, которые были порождены социально-экономической необходимостью, мы не осуждаем церковь. Но церковь следует критиковать за то, что благодаря религиозной идеологии эти нормы смогли проявиться лишь в искажённой и крайней форме. А за те взгляды, которые связаны с экономическими интересами церкви и её стремлением к власти и которые выросли на почве жёсткой догматики, церковь заслуживает критики. Основой для критики позиции церкви служит то, что церковь и в наши дни хочет предписать людям в несколько видоизменённой форме, нормы феодального типа брака и семьи; именно поэтому социалистическая семейная этика выступает против католической. Последняя является анахронизмом и иррационализмом, и, как показывает жизнь, — она неосуществима, ибо ее нормы при насильственном насаждении их превращаются в постоянный источник нездоровых и вредных проявлений в семейных и брачных условиях. Критическое отношение социалистической морали к католической семейной этике не может быть предвзятым, односторонним и *антиисторичным*. В этой работе мы коснулись лишь только теневых сторон и отрицательных черт католической семейной и брачной этики и стали на почву отрицания католической семейной этики именно потому, что во второй половине XX века изменения, особенно те, которые произошли в странах социализма, сделали неприемлемой и неосуществимой феодальную семейную и брачную этику, представительницей и защитницей которой в настоящее время является церковь.

Охарактеризованные нами представления католической семейной этики носят официальный характер и по сей день, от этих догм церковь ещё не отказалась, и большинство церковных деятелей считает их действительными. Однако и внутри церкви со времени папы Иоанна XIII всё чаще и чаще говорят о необходимости изменения некоторых церковных взглядов и с большой надеждой ожидали решения состоявшегося церковного собора. На церковном соборе была образована комиссия по изучению вопросов семьи и брака, она выработала определённые рекомендации. Однако, как об этом свидетельствует и новая энциклика, никаких существенных изменений не произошло. Решающее большинство церковных руководителей считает правильными вековые нормы и практику и пока эти руководители будут у власти, каких-либо значительных изменений нельзя ожидать. Этим изменениям должны предшествовать изменение церковных взглядов на сексуальный вопрос, ликвидация целебата, изменение представлений об отношениях между женщиной и мужчиной. Но корни

этих взглядов настолько глубоко проникли в религию, что их искоренение угрожает существованию религии в целом. Имеющие место тенденции, однако свидетельствуют об определённом брожении внутри церковной позиции. Наблюдаются некоторые изменения по сравнению с энцикликой папы Пия XI. В дальнейшем мы хотели бы кратко остановиться на этих изменениях, стремлениях и проблемах наших дней.

III.

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАТОЛИЧЕСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ЭТИКИ

Классическим и самым завершённым этапом развития католической семейной этики является период начиная с Тридентского синода и кончая серединой XX века временем правления папы Пия XII. В этот период самым авторитетным и значительным документом была энциклика о христианском браке, изданная папой Пием XI в 1931 году, и которую принято называть «*Casti Connubii*». Пока длился этот период изложенные нами взгляды были единогласно принятыми догмами, которые не подвергались никаким сомнениям и спорам. Началом же нового этапа стали решения иного характера, которые были приняты в конце жизни папы Пия XII и согласно которым, право сексуальной жизни в браке было признано уже не только в интересах деторождения (хотя с этим несогласны большинство теологов.) Независимо от этого папа Пий XII говорил о том, что супруги имеют право ограничить сексуальную жизнь лишь тем периодом, когда исключена возможность зачатия, но только при наличии медицинской, экономической, социальной или евгенической причины.

Кроме этого, из позиции папы стало очевидным, что при наличии определённых условий деторождение означает глубокую несправедливость; он объявил как выход из создавшегося положения принцип регулирования деторождения, хотя в этих целях и обратился к старым взглядам, что практически означало запрещение сексуальной жизни.

Необходимость внести изменения своевременно была осознана папой Иоанном XXIII, и на организованном им II. Ватиканском Синоде были выдвинуты эти проблемы. После смерти Иоанна XXIII синодом было принято заявление (*constitutio*), в котором выразилась позиция церкви в отношении вопроса семьи и брака. Эта позиция в определённом отношении означает прогресс в вопросе семьи и брака. Вокруг этих вопросов в церкви развернулись обширные дискуссии. Эти дискуссии продолжаются и сегодня несмотря на то, что папа Павел VI в своей энциклике «*Humanae Vitae*» снова выразил официальную точку зрения церкви. (На этом подробнее мы остановимся позже).

В дальнейшем мы рассмотрим ряд наиболее типичных, существующих в настоящее время официальных и неофициальных взглядов католической семейной и брачной этики.

Стремление к новым изменениям выражается и в статье венгерского католического журнала «Вигилия», в котором обсуждается заявление, принятое на II Ватиканском Синоде.

С пасторальной точки зрения несомненно то, что положение заявления о святости брачной любви имеет большое значение, поскольку священники, живущие в celibate, склонны были объявить деторождение единственной

целью брака, несмотря на то, что взаимопомощь, физическая и душевная общность являются целями такого же значения. Супруги имеют право и обязаны найти своё счастье друг у друга, хотя верно и то, что настоящее счастье раскрывается в детях. Супруги имеют данное им природой право определять число своих детей, нужно «только, чтобы они думали о своих интересах, об интересах своих уже родившихся или будущих детей. Чтобы они приняли во внимание материальные и духовные условия своего времени и своего собственного положения. Чтобы они считались с интересами семьи, общества и церкви.» Однако от законов морали они не могут освободиться. Они не могут пользоваться такими методами, которые были объявлены церковью сугубо аморальными.»⁵³

Такие взгляды можно отнести к прогрессивным, так как в церковных кругах (особенно на Западе) большинство католиков придерживаются старых консервативных взглядов, согласно которым сексуальная жизнь должна быть направлена только лишь на деторождение. Запрещается применение любых превентивных способов в том числе принятие во внимание т. н. цикла Огино-Кнауса, предупреждающего зачатие. Как мы уже говорили, подобным взглядам изменили даже сами папы, считая возможной такую форму сексуальной жизни, которая ограничивается безопасным для зачатия периодом. Но церковь и по сегодняшний день выступает против всех других методов предупреждения беременности. Применение т. н. противозачаточных таблеток считается несовместимым с католической моралью. Однако в этом отношении уже многие придерживаются иного мнения и в некоторых случаях применение противозачаточных таблеток считают оправданным. К ним относится и Л. Вебер, директор семинарии в Солере, который рассматривал данную проблему во многих своих статьях и работах. В апрельском номере журнала «Шоазир» выходящемся в Женеве, мы находим следующее:

«1. Применение таблеток в качестве лекарства для регулирования аномального цикла, несомненно разрешается, поскольку лечение другими средствами без побочных явлений невозможно.

2. Кроме этого, по мнению некоторых теологов, использование противозачаточных таблеток оправдано ещё в трёх случаях:

— после беременности, чтобы предоставить возможность отдохнуть организму,

— перед климаксом

— во время переутомления.

(В качестве четвёртого, наверное, можно было бы назвать болезненную боязнь от беременности.) Эти случаи, по мнению некоторых теологов, помогают естественному развитию. Это мнение отражает дух высказываний папы или, во всяком случае, не противоречит им.

Однако слишком рано было бы утверждать, что таблетки влияют на организм соответственно его природе. В этом вопросе мнения медиков ещё расходятся.

3. Так как ни один метод предупреждения беременности не является полностью естественными, многие рекомендуют ответственность за избрание метода возложить на супругов, предполагая, что ими руководит доброе намерение и их супружескому объединению это не причинит ущерба. Недавно три известных теолога — Палазини, Гюрт и Ламбручини — выступали за разрешение предупреждения беременности в случае изнасилования. Это означает, что подобные

⁵³ «Вигилия»: сентябрь, 1966; стр. 582—583.

методы сами по себе не являются аморальными и что их моральная ценность в большей степени зависит от обстоятельств и цели.

Моралистам, на основании общей картины, составленной ими о личности, необходимо пересмотреть проблему сексуальности, чтобы помочь некоторым людям в формировании позитивного поведения.

Задача христианских супругов состоит в том, чтобы высказыванием своих замечаний содействовать лучшему пониманию брака.»⁵⁴

Мы привели столь длинную цитату потому, что это новый, заслуживающий внимания голос внутри католической концепции, хотя он и относится к весьма умеренным. Есть и такие, которые слишком радикально хотят прервать свои отношения с жёсткой догматической концепцией и они со многих сторон подвергают критике позицию церкви. Якоб Давид из Цюриха в западногерманской газете... *Theologie der Gegenwart*

написал по этому поводу статью, которая вызвала бурные отклики. В этой же газете (номер 4 за 1964 год) он ответил на спорные вопросы. Интересным образом он выступил против представителей старых взглядов, учитывая их догматические и теологические аспекты. Тон его статьи отличается от тона, принятого в церковном обиходе.

«Уже никто не попытается доказывать старые взгляды с помощью Святого Писания. Очевидно, что традиционные представления нельзя вывести ни из догм, ни из таинств теологии. Предметом спора фактически является:

1. Смысл и сила традиции; различие элемента, изменяющегося согласно времени, от изжившего себя неизменяющегося элемента.

2. Доказывающая сила доводов естественного права. Так как в оспариваемых вопросах на самом деле традиция не носит теологический характер (так как не имеет никакого отношения к откровению), особо важное значение приобретает обоснование с точки зрения естественного права. Церковное учение также аргументирует не теологическими доводами, а доводами естественного права. Однако в последнем десятилетии убеждающая сила доказательства естественного права вопреки учению циркуляра папы «*Casti Connubii*» (1831) не возросла. Более того, как среди теологов морали, так и в церковной жизни она теряет свою почву. Аргументация естественного права уже еле в состоянии устоять перед натиском аргументов биологической, психологической, антропологической и этической наук.»⁵⁵

Таким образом, возникает вопрос, что если взгляды церкви в плане как теологическом, так и с точки зрения естественного права (что и без того является чем-то смутным) недоказуемы, особенно недоказуемы в сравнении с наукой, то какая нужда в этих традициях, внутри которых почти нельзя найти прочных, устоявших от времени элементов, и почему церковь не изменяет своих взглядов? Само собой разумеется, что от имени церкви мы не вправе ответить на этот вопрос, но если принять во внимание конкретные условия, мы вправе сделать вывод, что этому препятствуют религиозная догматика, жёсткость и вековая инерция. В защиту позиции церкви, запрещающей предупреждение беременности и применение таблеток, невозможно привести рациональных, соответствующих науке доводов.

По поводу того как выглядит позиция церкви в вопросе о таблетках, приведём в качестве примера мнение того же Якоба Давида:

⁵⁴ «Мерлег», октябрь 1965 года, стр. 200—201.

⁵⁵ «Мерлег», октябрь 1965 года, стр. 200—201.

«Несколько теологов на этот вопрос ответили утвердительно. Однако большинство теологов всё же ответило отрицательно. Кажется, что более глубокая причина такого расхождения во мнениях заключается не в оценке непосредственного процесса — полового акта — а в различном подходе к соотношениям. Теологи, стоящие на позиции отрицания, выступают за традиционные принятые цели брака. Складывается такое впечатление, будто это учение несколько необдуманно с брака непосредственно переносится на некоторые акты.

Теологи, которые на указанный вопрос ответили утвердительно, всё более и более принимают во внимание то, что встреча в браке является выражением, усилением супружеской любви. Они в этой новой оценке видят прогресс, который может привести к новым познаниям. Одновременно с этим они признают и ту, веками пренебрегаемую правду, что целью нормальной сексуальной жизни между супругами является не только оплодотворение, она имеет также определённую самодовлеющую ценность. Далее, половая жизнь означает не только одни наслаждения и гедонизм, а служит завершению любви и личности. Так как в последнее время мы это осознали правильно и часто сама (биология) природа разделяет половое объединение от оплодотворения, эти теологи придерживаются мнения, что это (избежание оплодотворения) человек может использовать сознательно, по крайней мере в том случае, если в брачной сексуальной жизни он остаётся в основном верен требованию размножения.

Применение таблеток, препятствующих созреванию яйцеклетки, эта группа теологов одобряет не только потому, что развитие науки сделал это необходимым, но главным образом потому, что эти таблетки меньше всего мешают брачной встрече.»⁵⁶

Из этих высказываний становится очевидным, что, с одной стороны, конвенциональная позиция церкви состоит в оппозиции наукам и это осознают и определённые круги церкви, а с другой стороны, есть попытки внутри церкви согласовать церковные догмы с требованиями нашего времени. Однако большинство церковных руководителей в настоящее время ещё выступает против любых попыток и упрямо придерживается вековых догматических взглядов. Поэтому вокруг этих вопросов в церковных кругах в ближайшее время ожидается острая борьба. Современные условия свидетельствуют о том, что приверженцы консервативной линии внутри церкви усиленно цепляются за старые взгляды и последние пока являются самыми авторитетными. Однако в этом отношении мы полностью согласны со следующими идеями уже неоднократно цитированной нами статьи Якоба Давида)

«Постепенно подходим к тому моменту, когда официальная церковь должна ответить на трудный для неё вопрос: до каких пор можно ещё придерживаться непосильных требований, ежедневно обременяющих миллионы семей и браков, когда неизвестно, имеем ли мы дело с божественным законом природы.»⁵⁷

«Не целесообразен ли пересмотр существующих до сих пор моральных норм на основании современных жизненных условий и на основании того, факта, что интимная физическая связь имеет важное значение в гармонической жизни и взаимной верности брачных сторон? Особенно важно это тогда, когда

⁵⁶ Цитиров. произведение. стр. 202.

⁵⁷ Цитиров. произведение. стр. 202.

мы осознаём, что эти моральные нормы часто можно соблюдать только лишь ценой огромных усилий и жертв.»⁵⁸

Общеизвестно, что папа для решения проблем создал комиссию из сведущих специалистов, но в конце концов в старые взгляды папой были внесены только лишь незначительные изменения. Изменился взгляд в отношении супружеской любви, так как было признано, что целью сексуальной жизни может быть не только деторождение, что она может служить также источником жизненной радости.

«Супружеская любовь прежде всего целиком человеческая любовь, то есть и чувственная и духовная любовь в одно и то же время. Таким образом она является не простым проявлением инстинкта или эмоций, а вместе с тем и главным образом она является фактом свободной воли. И как таковая эта любовь направлена на то, чтобы не только сохраниться среди испытаний и радостей повседневной жизни, но и укрепиться, чтобы супруги были едины и душой и телом и вместе стремились к своему человеческому совершенству.»⁵⁹

Далее, в другом месте папа подчёркивает и то, что сексуальная жизнь дозволена и в том случае, если заранее очевидно, что половой акт не влечёт за собой зачатие.

«Интимные и чистые акты сношения супругов, посредством которых они дают продолжение жизни — и как на это было указано на последнем синоде — являются «такими моральными ценностями, которые достойны уважения и не ущемляют человеческого достоинство.» Эти акты дозволены и в том случае, когда, хотя и очевидно, но независимо от воли супругов, они не влекут за собой зачатие, ибо эти акты и в дальнейшем сохраняют своё предназначение, а именно то, что они являются выражением супружеской любви и укрепляют её. И, на самом деле, как это подтверждается практикой супружеской жизни, не каждый акт сношения влечёт за собой зачатие новой жизни. Ибо естественный закон и ритм деторождения мудро устроены богом так, что между родами существуют интервалы, когда не произойдёт зачатие. Кроме этого, Церковь последовательна в своих учениях о нормах законов природы и она предупреждает о необходимости их соблюдения. Церковь придерживается такого мнения, согласно которому предназначением каждого полового акта в супружеской жизни должно быть продолжение человеческого рода (смотри циркуляр CASTI CONNUBII).»⁶⁰

Определённые изменения произошли и в отношении вопроса о применении противозачаточных средств. Согласно прежней позиции Церкви, применение противозачаточных средств категорически запрещалось. Теперешнее мнение папы заключается в следующем: «А что касается способов лечения, необходимых при лечении болезней, церковь считает, что они в моральном отношении дозволены даже в том случае, если можно заранее предвидеть, что они будут препятствовать зачатию. Однако эти способы лечения дозволены только в том случае, если они непосредственно не применяются для предупреждения зачатия.»⁶¹

⁵⁸ Третий пункт энциклики. Печатается в сборнике «Перед бракосочетанием», Общество Святого Иштвана, Будапешт, 1972. стр. III.

⁵⁹ Банк—Лендел: «До вступления в брак», издательство «Сент Иштван Таршулат», Будапешт, 1972, стр. 113.

⁶⁰ Банк—Лендел: «До вступления в брак», Сент Иштван Таршулат, Будапешт, 1972 год, страница 114.

⁶¹ Банк—Лендел: «До вступления в брак», Сент Иштван Таршулат, Будапешт, 1972 год, страница 116.

Согласно католическим взглядам, категорически запрещено также и применение противозачаточных таблеток. Если мы пожелаем узнать, почему запрещено применение противозачаточных средств, ответ папы прозвучит так:

«В первую очередь необходимо учесть то, что такое решение вопроса открывает широкую и удобную дорогу для супружеских неверностей и постепенного снижения моральной дисциплины. Человеческие слабости известны каждому и без особого жизненного опыта, и каждый жожет понять, что людям, особенно молодёжи, кто так восприимчив к эротическим соблазнам, необходимо постоянная поддержка в соблюдении моральных законов. Ни в коем случае нельзя их побуждать к нарушению этих законов. Кроме этого, можно опасаться, что постоянное применение противозачаточных средств уничтожит в мужчине уважение к женскому полу. Женщину будут считать только лишь средством удовлетворения своих похотей и игнорируют её физическое и духовное равноправие. Они не будут больше относиться к женщине как к спутнику жизни, которого нужно уважать и любить.

И наконец, необходимо учесть и то, что такое решение проблемы применения противозачаточных средств даёт опасное оружие в руки тем исполнителям государственной власти, кто совершенно пренебрегает требованиями моральных законов.»⁶²

По нашему мнению, здесь комментарии излишни. Человек в основном порочен, и если он будет руководствоваться своими желаниями и будет поступать по своему собственному уму, он натворит бед. А что касается противозачаточных таблеток, они являются новейшим искушением сатаны, средством развращения мужчин и женщин, уничтожения морали. Но и к руководителям государств и исполнителям государственной власти папа относится с недоверием. По его мнению, они могут в такой степени злоупотреблять возможностью применения противозачаточных средств, способны вмешаться даже в самую сокровенную функцию супругов.

Вышеизложенная точка зрения сохранила одну из существенных отличительных черт католической семейной этики — иррационализм. Об этом свидетельствует прежде всего и анализ содержания вышеизложенных церковных догм и текстов разных заявлений.

«Однако в наши дни некоторые подвергают критике учение церкви о браке. Они утверждают будто человеческий ум имеет право на то, чтобы господствовать над силами природы, и человек должен направлять их на благо людей. В связи с этим некоторые задают вопрос: при нынешних условиях не было бы ли рациональнее использовать методы искусственного регулирования рождаемости, если это способствует мирной и гармоничной семейной жизни и обеспечивает более благоприятные условия для воспитания уже родившихся детей?

На этот вопрос мы должны дать ясный ответ: Церковь всегда показывает пример, если речь идёт о том, чтобы восхвалять роль разума в его стремлении ещё теснее связать разумного человека со своим творцом. Однако церковь категорически заявляет, что при этом стремлении необходимо уважать и соблюдать божественный порядок.»⁶³

Церковь, наверное, и сама осознаёт потусторонность и чрезвычайную строгость своих моральных требований, более того, наверное, знает и то, что большую часть этих требований почти невозможно выполнить. Именно поэтому она пытается уверовать людей, что она сочувствует их проблемам, и даже ука-

⁶² Цит. произв. 117. стр.

⁶³ Цитированное произведение, страница 116—117.

зывает им, как найти выход из создавшегося положения: «Мы не хотим умолять и о тех, иногда очень больших трудностях, с которыми встречаются супруги на своём жизненном пути.» И далее папа продолжает таким образом: «ведь для них, как и для каждого из нас, «узки ворота и узок путь, ведущий к жизни.»²

После такого неясного выражения сочувствия учителя церкви с покаянием указывают на лазейку и дают советы в отношении решения проблемы: «И если грех тяжёлым бременем будет лежать на их душе, пусть они не отчаиваются, а упорно и смиренно ищут утешение и убежище у милостивого Бога, милосердие которого покрывает нас в святости раскаяния.»³

Этот же самый вопрос ставится и в папской энциклике „*Humanae vitae*,“ выражающей современную официальную точку зрения католицизма.

Таким образом, в настоящее время новым, вызывающим много полемики вопросом католической семейной этики является предупреждение беременности. Как мы видели, поэтому поводу раздаются много новых и интересных голосов, но всё же в основном доминирующими остаются старые взгляды. В отношении других черт католической семейной этики положение в основном не меняется. Таким же спорным вопросом является католическая догма о смешанных браках. Но так как этот вопрос нельзя считать вопросом, оказывающим значительное влияние на формирование социалистической семейной этики, мы не будем подробно останавливаться на нём. Относительно указанного вопроса о смешанных браках в современных условиях можно отметить следующее: католическая религия оставила неизменной формулу Тридентского синода, в которой запрещаются смешанные браки. Она оставила также за собой право и впредь требовать от верующих, чтобы они заключали браки только в католических церквях и всех своих детей воспитывали в католическом духе. Поэтому многие, особенно протестанты, обрушиваются на католическую церковь с очень сильными нападками. Некоторые новые возможности разрешения этой проблемы заключаются в том, что не католическим христианам необходимо сделать уступки, так как, по мнению церкви, главная опасность заключается не в смешанных браках, а в неверии в бога. Поэтому некоторые церковные руководители твердят о том, что, кроме католического венчания, необходимо разрешить и протестантское венчание, далее, чтобы католическая церковь требовала от не католической стороны письменного заявления о воспитании детей в католическом духе, кроме того, и для католической стороны воспитания детей в католическом духе нужно сделать только делом совести.

Нельзя ожидать каких-либо изменений в отношении догмы о нерасторжимости брака, поскольку изменения могут повлечь за собой тяжёлые осложнения, так как поставят под сомнение вопрос о божественности и святости брака. Этот комплекс вопросов имеет очень большое практическое значение, и жизнь, хотя и не в самое ближайшее время, но рано или поздно заставит их пересмотреть. Догма об иерархическом семейном порядке, провозглашающая руководящую роль отца в семье, относится к тем вопросам католической семейной этики, которые имеют второстепенное практическое значение. Однако церковь рано или поздно должна изменить свою позицию и в этом, так же как и в отношении косвенных и непосредственных проявлений иррационализма. Таким образом, в конечном счёте католическая семейная этика изжила свой век. Несмотря на это, она до сих пор является одним из самых значительных, широко распространённых и эффективных идеологических направлений. Её влияние в европейских, латиноамериканских и во многих других католических странах мира (в том числе и социалистических) сохранится и впредь.

Кроме вышеизложенных отличительных черт, католическая семейная этика имеет и ряд других черт.

Однако рамки данной работы не позволяют нам подвергать всесторонней критике католическую семейную этику, поскольку наша цель заключалась в том, чтобы показать те главные отличительные черты, которые наиболее характерны для католической семейной этики. Рамки статьи не позволили нам останавливаться также и на этических взглядах марксизма, связанных с семьей и браком. Однако указав на иррациональные и антигуманные элементы в католической семейной этике, мы создали основу для выяснения современных гуманных принципов марксистской семейной этики.